

Л. Б. | ПД Единение № 2-VII-VIII. Голос Толстого и Единение. 1917 IX-XII (3-6)

1992 г.

2-11 31(3).

ЕДИНЕНИЕ

No 2.

Повременное изданіе, посвященное обновленію жизни
при свѣтѣ разума и любви.

Цѣна 25 коп.

Июль — Август, 1917 г.

На жел. дор.—30 коп.

Подъ редакціей **В. Г. Черткова.**

Адресъ Редакціи и Конторы: Книжный магазинъ „Посредникъ“ для „Единенія“, Москва, Петровскія линіи № 1.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

ВНЕШНЯЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
21 VI 52

Христiанскій анархизмъ.

Мысли Л. Н. Толстого.

Есть только два способа совместной согласной жизни людей: повиновение одному или нѣсколькимъ распорядителямъ подъ страхомъ насилія или свободное соглашеніе людей, не исключющее и распорядителей, когда это нужно, но безъ права насилія ¹⁾.

Меня причисляютъ къ анархистамъ, но я не анархистъ, а христiанинъ. Мой анархизмъ есть только примѣненіе христiанства къ отношеніямъ людей. Тоже съ антимиитаризмомъ, коммунизмомъ, вегетаріанствомъ *).

Анархія не значить отсутствіе учреждений, а только отсутствіе такихъ учреждений, которымъ людей заставляютъ подчиняться насильно,—а такія учреждения, которымъ люди подчиняются свободно, по разуму. Казалось, иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существъ, одаренныхъ разумомъ?).

Понятно, что коровъ, лошадей, овецъ стерегутъ люди. Люди знаютъ, что нужно скотинѣ и какъ лучше пасти ее. Но лошади, коровы, овцы не могутъ сами пасти себя, потому что онѣ все одинаковы по своей природѣ. Также одинаковы и люди. Почему же одни люди могутъ повелѣвать другими и заставлять ихъ жить такъ, какъ это имъ кажется лучше? Все люди одинаково разумныя существа, и управлять ими можетъ только то, что выше ихъ. Выше же ихъ только одно: тотъ духъ, который живетъ во всѣхъ ихъ, то, что мы называемъ совѣстью. И потому людямъ можно повиноваться только своей совѣсти, а не людямъ, которые назовутъ себя царями, палатами, конгрессами, сенатами, судами..⁴⁾.

Разница между религіознымъ ученіемъ и анархизмомъ въ томъ, что въ анархизмѣ цѣль — выгода, и средство — насиліе. А если цѣль — выгода, то иногда и одному выгодно бастовать, а иногда и другому не выгодно, и всё никогда не сойдется. И если средство достиженія цѣли — насиліе,

то какъ удержаться въ насиліи, чтобы употреблять его только для общихъ цѣлей, и какъ достигнуть того, чтобы люди, захватившіе власть, употребляли это насиліе не для своей, а для общей выгоды? Такъ при анархизмѣ.

При религіозномъ же ученіи цѣль — не выгода, а требованія Бога или совѣсти независимо отъ цѣли, а потому требованія эти всегда одни и тѣ же для всѣхъ.

Тоже и о насиліи. При религіозномъ ученіи цѣль достигается не насиліемъ, а напротивъ, воздержаніемъ отъ насилія и участія въ немъ. И потому при религіозномъ ученіи не можетъ быть злоупотребленія насиліемъ.

Послѣдствія же дѣятельности, основанной на религіозномъ ученіи, при которомъ нѣтъ и мысли о выгодѣ и о насиліи людей надъ людьми, не могутъ не быть тѣ самыя, которыхъ желаютъ и никогда не достигнутъ анархисты. 5).

Не анархизмъ—то ученіе, которымъ я живу, а исполненіе вѣчнаго закона, недопускающаго насилія и участія въ немъ. Послѣдствія же будутъ ли: анархизмъ, или, напротивъ, рабство подъ игомъ японца или нѣмца—этого я не знаю и не хочу знать⁶⁾).

Анархизмъ съ допущеніемъ насилія — смѣшное недоразумѣніе. Анархизмъ есть только одинъ разумный: христіанство, игнорированіе какихъ бы то ни было внѣшнихъ политическихъ формъ жизни и жизни каждаго для своего „я“, но не тѣлеснаго, а духовнаго ⁷⁾).

Анархизмъ и социализмъ, т. е. отрицаніе собственности, это христіанство, но только съ удержаніемъ существующаго порядка. Христіанство есть отчасти социализмъ и анархія, но безъ насилія и съ готовностью жертвъ⁸⁾.

Анархизмъ политическій есть цѣль, къ которой стремятся люди: то же, что вы называете моимъ анархизмомъ, есть только послѣдствіе признанія истины христіанскаго ученія и вытекающаго изъ него сознанія каждымъ человѣкомъ своего человѣческаго достоинства, не сомнѣнимаго ни съ участіемъ въ наслѣдіи, ни съ подчиненіемъ ему ⁹⁾).

¹⁾ Дневникъ, 1904 г. 22 дек.

Дн. 1906 г. 24 авг.

3) Дн. 1899 г. 2 окт.

4) На каждый день. 17 марта.

б) Изъ писемъ. 15 апр. 1940 г.

в) Дн. 1910 г. 13 янв.

7) Дн. 1907 г. 30 апр.

в) Дн. 1891 г. 31 июля.

⁹⁾ Изъ писемъ. 15 апр. 1910 г.

Анархисты правы во всем — и въ отрицаніи существующаго, и въ утвержденіи того, что хуже насилія власти, при существующихъ правахъ, безъ этой власти быть не можетъ. Ошибаются они только въ томъ, что анархію можно установить революціей, *учредить анархію*. Анархія установится; но установится только тѣмъ, что все больше и больше будетъ людей, которымъ не нужна защита правительственной власти, и все больше и больше будетъ людей, которые будутъ стыдиться прилагать эту власть ¹⁾.

Людамъ, не вѣрующимъ въ Бога, пельзя не бояться безвластія, анархіи. Они не вѣрятъ въ то, что міромъ управляетъ Богъ, изъ за управленія людского не видятъ управленія божескаго ²⁾.

Отъ этого же невѣрія въ законъ Бога и происходитъ и то кажущееся страннымъ явленіе, что всѣ теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная отъ Бакунина, Прудона, и до Реклю Макса Штирнера и Крапоткина, неопровержимо вѣрно и справедливо доказывая перазумность и вредъ власти, — какъ скоро начинаютъ говорить о возможности устройства общественной жизни безъ того человѣческаго закона, который они отрицаютъ, — такъ тотчасъ же впадаютъ въ неопредѣленность, многословіе, неясность, краснорѣчіе и совершенно фантастическія, ни на чемъ не основанныя предположенія.

Происходитъ это отъ того, что всѣ теоретики-анархисты эти не признаютъ того общаго всѣмъ людамъ закона Бога, которому свойственно подчиняться всѣмъ людамъ, а безъ подчиненія людей одному и тому же закону — человѣческому или божескому — не можетъ существовать человѣческое общество.

Освобожденіе отъ человѣческаго закона возможно только подъ условіемъ признанія общаго всѣмъ людамъ закона божескаго ³⁾.

Безъ подчиненія закону невозможна общественная жизнь. И потому анархисты только тогда могутъ быть правы, когда они вѣрятъ въ общій и доступный всѣмъ людамъ законъ Бога ⁴⁾.

Доказывать людамъ, что они не могутъ жить безъ правительства, и что тотъ вредъ, который имъ сдѣлаютъ вору и грабители, живущіе среди нихъ, больше того вреда, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго, который, угнетая и развращая ихъ, постоянно производятъ среди нихъ правительства, — такъ же странно, какъ было странно во время рабства доказывать рабамъ, что имъ выгодно быть рабами, чѣмъ свободными. Но какъ и тогда, несмотря на очевидность для рабовъ бѣдственности ихъ положенія, рабовладѣльцы доказывали и внушали, что рабамъ полезно быть рабами, и что имъ будетъ хуже, если они будутъ свободны (иногда и сами рабы поддавались внушенію и вѣрили въ это), такъ и теперь правительства и люди, пользующіеся ихъ выгодами, доказываютъ, что правительства, грабящіе и развращающіе людей, необходимы для ихъ блага, и люди поддаются этому внушенію.

И люди вѣрятъ въ это, не могутъ не вѣрить, потому что, не вѣря въ законъ божескій, они вынуждены вѣрить въ законъ человѣческій. Для нихъ отсутствіе закона человѣческаго есть отсутствіе всякаго закона, а жизнь людей, не признающихъ никакого закона, ужасна. И потому для людей, не признающихъ закона Бога, отсутствіе человѣческой власти не можетъ не быть страшно, и они не хотятъ разставаться съ нею ⁵⁾.

Анархизмъ вступаетъ въ ту фазу, въ которой былъ социализмъ 30 лѣтъ тому назадъ: получаетъ въ мірѣ ученыхъ право гражданства ⁶⁾.

Радуетъ тоже то, что анархизмъ безъ насилія, анархизмъ неучастія въ насиліи, все болѣе и болѣе распространяется. ⁷⁾

„Но какъ же устроятся безъ правительства всѣ большія общественныя дѣла, когда всѣ люди будутъ жить отдѣльными обществами? Какъ устроятся пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, пароходы, почта, выпія учебныя заведенія, библіотеки, торговля, когда не будетъ правительства?“

Люди такъ привыкли къ тому, что правительства заведуютъ всѣми общественными дѣлами, что имъ кажется, что и самыя дѣла эти устраиваются правительствами и что безъ правительства нельзя устроить ни высшія школы, ни пути сообщенія, ни почты, ни библіотеки, ни торговля сношенія. Но это неправда. Самыя большія общественныя дѣла не только въ одномъ народѣ, но и среди разныхъ народовъ, устраиваются безъ помощи правительствъ частными людьми. Такъ устроены всякаго рода международныя, ученые, торговые, промышленные союзы. Правительства не только не помогаютъ такимъ, по добровольному согласію устраиваемымъ, союзамъ, но, вступая въ такія дѣла, всегда мѣшаютъ имъ ⁸⁾.

Иду по деревнѣ и смотрю: копаютъ разные мужики каждый для себя картофельную яму, и каждый для себя кроетъ, и многое другое подобное. Сколько лишней работы. Что если все дѣлать бы вмѣстѣ и дѣлить? Казалось бы не трудно: пчелы и муравьи, бобры дѣлаютъ же это.

А очень трудно. Очень далеко до этого человѣку, и именно потому, что онъ разумное существо. Человѣку приходится дѣлать сознательно то, что животныя дѣлаютъ безсознательно.

Человѣку, прежде еще общины пчелиной и муравьиной, надо сознательно дойти до скота, отъ котораго онъ еще такъ далекъ: не драться (воевать) изъ-за здоровья, не обжираться, не блудить, а потомъ уже придется старательно доходить до пчелъ и муравьевъ, какъ это начинаютъ въ общинахъ.

Сначала семья, потомъ община, потомъ государство, потомъ человѣчество, потомъ все живое, потомъ весь міръ, какъ Богъ ⁹⁾.

То, что вы говорите о необходимости формы жизни, совершенно справедливо; но мало сказать — необходимость, надо сказать неизбежность формъ. Если кто живетъ отдѣльно, или люди живутъ вмѣстѣ матеріально, или только духовно вмѣстѣ (какъ я полагаю, что живу съ вами, и вы съ другими), то непременно есть форма этой жизни. И смотрѣть на эту форму, опредѣлять ее очень неудобно, да и вредно. Другіе пускай смотрятъ и опредѣляютъ форму, въ которой я живу, а мнѣ надо жить ¹⁰⁾.

Какъ это люди не видятъ того, что отрицать существующее устройство общества можно только на основаніи *совершенно* новаго, иного порядка, основаннаго не на насиліи; а такого *совершенно* новаго порядка мы даже не можемъ себѣ представить и не можемъ знать. Можно отрицать насиліе и не какъ орудіе, а какъ поступокъ дурной; но отрицать устройство какое бы то ни было, не отрицая насилія, — безумно ¹¹⁾.

Какъ же сложится жизнь людей на основаніи любви, исключаящей насиліе? На вопросъ этотъ никто не можетъ отвѣтить, да кромѣ того отвѣтъ этотъ никому не нуженъ. Законъ любви не есть законъ общественнаго устройства того или другого народа или государства которому можно содѣйствовать, когда предвидишь, или, скорѣе, воображаешь, что предвидишь тѣ условія, при которыхъ совершится желательное измѣненіе. Законъ любви, будучи закономъ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ жизни всего человѣчества, и потому безумно было бы воображать, что можно знать и желать знать конечную цѣль какъ своей жизни, такъ тѣмъ болѣе жизни всего человѣчества ¹²⁾.

Никто изъ насъ никогда не знаетъ, *что съ нимъ будетъ*, когда онъ вырастетъ, не знаетъ, что будетъ съ нимъ, когда онъ умретъ, никто не знаетъ, что съ нимъ будетъ, когда онъ родится, — но все это не мѣшало и не мѣшаетъ каждому изъ насъ постоянно переходить изъ одного состоянія жизни въ другое ¹³⁾.

¹⁾ Дн. 18 мая 1890 г.

²⁾ Дн. 2 сент. 1906 г.

³⁾ О значеніи русск. революціи, гл. XII (1906 г.).

⁴⁾ Дн. 2 сент. 1906 г.

⁵⁾ О знач. русск. рев. гл. XII.

⁶⁾ Изъ писемъ. 1 сент. 1900 г.

⁷⁾ Изъ писемъ. 6 авг. 1900 г.

⁸⁾ Обращ. къ русск. людамъ. гл. III, 1906 г.

⁹⁾ Дн. 13 сент. 1890 г.

¹⁰⁾ Изъ писемъ. 19 янв. 1891 г.

¹¹⁾ Дн. 26 окт. 1907 г.

¹²⁾ „Неизбѣжный переворотъ“. (1909)

¹³⁾ Изъ черн. „Царства Бож. вн. васъ“.

Какъ найти ту форму, тѣ условія жизни, которыя наилучши? Создать великихъ мудрецовъ міра,—они не найдутъ ихъ ни для одного самаго извѣстнаго имъ человѣка. Одно только я замѣчалъ, что чѣмъ больше человѣкъ живетъ, чѣмъ больше отвѣчаетъ на заявляемыя къ нему требованія, тѣмъ меньше ему интересно будущее устройство жизни, и тѣмъ прочнѣе самое устройство ¹⁾.

Самое же вредное послѣдствіе такого мнимаго предвидѣнія того, чѣмъ должно быть общество, и направленной на измѣненіе общества дѣятельности—то, что именно это-то мнимое предвидѣніе и эта-то дѣятельность и препятствуетъ больше всего движенію общества по тому пути, который свойствененъ ему для его истиннаго блага ²⁾.

Мало того, что людямъ не надо знать, въ какую форму сложится въ будущемъ жизнь общества, людямъ бываетъ нехорошо отъ того, что они думаютъ, что могутъ знать это. Нехорошо потому, что ничто такъ не препятствуетъ правильному теченію жизни людей, какъ именно это мнимое знаніе о томъ, какова должна быть будущая жизнь людей. Жизнь и отдѣльныхъ людей и обществъ только въ томъ и состоитъ, что люди и общества идутъ къ невѣдомому, не переставая измѣняясь, не вслѣдствіе составленія разсудочныхъ плановъ нѣкоторыхъ людей о томъ, каково должно быть это измѣненіе, а вслѣдствіе вложеннаго во всѣхъ людей стремленія приближенія къ нравственному совершенству, достигаемому безконечно разнообразной дѣятельностью милліоновъ и милліоновъ человѣческихъ жизней. И потому тѣ условія, въ которыя станутъ между собою люди, тѣ формы, въ которыя сложится общество людей, зависить только отъ внутреннихъ свойствъ людей, а никакъ не отъ предвидѣнія людьми той или иной формы жизни, въ которую имъ желательно сложиться. А между тѣмъ люди, не вѣрующіе въ законъ Бога, всегда воображаютъ, что они могутъ знать, какое должно быть будущее состояніе общества, и не только опредѣляютъ это будущее состояніе, но и совершаютъ всякаго рода дѣла, ими же самими признаваемыя дурными, для того, чтобы общество людей было именно такимъ, какимъ они считаютъ, что оно должно быть.

То, что другіе люди несогласны съ ними и полагаютъ, что жизнь общества должна быть совсѣмъ иная, не смущаетъ ихъ, и люди, увѣрившись въ томъ, что они могутъ знать, какимъ должно быть будущее общество, не только отвлеченно рѣшаютъ, но дѣйствуютъ, сражаются, отнимаютъ имущество, запираютъ въ тюрьмы, убиваютъ людей для того, чтобы установить такое устройство общества, при которомъ, по ихъ мнѣнію, люди будутъ счастливы.

Старое разсужденіе Каіафы: „Лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу“—неопровержимо для такихъ людей. Какъ не убить не только одного человѣка, но сотни, тысячи людей, если мы твердо увѣрены, что смерть этихъ тысячъ дастъ благо милліонамъ? Люди, не вѣрящіе въ Бога и законъ Его, не могутъ разсуждать иначе. Такие люди живутъ, повинаясь только своимъ страстямъ, своимъ разсужденіямъ и общественному вдушенію и никогда не думали о своемъ назначеніи въ жизни, о томъ, въ чемъ истинное благо человѣка; а если и думали, то рѣшили, что знать этого нельзя ³⁾.

И потому на вопросъ о томъ, какая сложится жизнь народовъ, которые перестанутъ повиноваться власти, мы отвѣчаемъ, что мы не только не можемъ знать этого, но и не должны думать, что кто нибудь можетъ знать это. Мы не можемъ знать, въ какія условія станутъ народы, переставшіе повиноваться власти, но несомнѣнно знаемъ, что мы, каждый изъ насъ, должны дѣлать для того, чтобы эти условія жизни народовъ были наилучшія. Мы несомнѣнно знаемъ, что для того, чтобы условія эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться отъ тѣхъ дѣлъ насилія, которыя требуютъ отъ насъ существующая власть, и точно также и отъ тѣхъ, къ которымъ призываютъ насъ люди, борющіеся съ существующей властью для установленія новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаемъ, какъ сложится наша жизнь вслѣдствіе нашего прекращенія повиновенія власти, а потому, что повиновеніе власти, требующей отъ насъ нарушенія закона Бога,—есть грѣхъ. Это

мы несомнѣнно знаемъ, знаемъ и то, что отъ того, что мы не будемъ нарушать волю Бога, не будемъ дѣлать грѣха, ничего, кромѣ добра, какъ для насъ, такъ и для всего міра, выйти не можетъ ⁴⁾.

Какъ произойдетъ этотъ переворотъ, какія перейдетъ ступени—намъ не дано знать, но мы знаемъ, что онъ неизбѣженъ, потому что онъ совершается и отчасти уже совершился въ сознаніи людей ⁵⁾.

Вы пишете о томъ, какъ должно быть исполнено ученіе Христа, а потомъ говорите, что самое важное то, чтобы въ настоящемъ, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступаешь съ человѣкомъ, руководиться только любовью. Если это такъ (и я думаю, что это такъ), то нельзя впередъ опредѣлить форму христіанской жизни. Служеніе Богу и людямъ, любовь—это тотъ клубокъ, который въ сказкѣ волшебница даетъ юношѣ, чтобы онъ шелъ туда, куда, разматываясь, покатится клубокъ. Такъ и въ жизни; и идти надо туда, куда поведетъ разматывающійся клубокъ любви, а куда онъ приведетъ, мы знать не можемъ; если будемъ воображать, что знаемъ, то собьемся съ дороги ⁶⁾.

Русскіе люди, и народъ даже, проснулись или просыпаются и потому начинаютъ дѣйствовать; правительство же все глубже и глубже уходитъ въ свою раковину и хочетъ не только удержать настоящее положеніе вещей, но еще вернуться къ болѣе старому и отсталому. Изъ соединенія этихъ двухъ явленій неперемѣнно должно выйти что-нибудь новое, но что это будетъ, я не могу даже гадать, да я думаю, и никто не можетъ предвидѣть, такъ какъ исторія никогда не повторяется. Одно, что мы можемъ знать, это то, что положеніе очень напряженное, и всѣмъ людямъ, желающимъ помочь дѣлу осуществленія добра, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, надобно энергично дѣйствовать ⁷⁾.

Какъ будутъ защищаться народы отъ враговъ, какъ поддерживать внутренній порядокъ, какъ могутъ жить народы безъ воиска?

Въ какую форму сложится жизнь людей, отказавшихся отъ убійства, мы не знаемъ и не можемъ знать; одно несомнѣнно: то, что людямъ, одареннымъ разумомъ и совѣстью, естественнѣе жить, руководствуясь этими свойствами, чѣмъ рабски подчиняться людямъ, распоряжающимся убійствомъ другъ друга, и что поэтому та форма общественнаго устройства, въ которую сложится жизнь людей, руководствующихся въ своихъ поступкахъ не насилиемъ, основаннымъ на угрозахъ убійства, а разумомъ и совѣстью, будетъ во всякомъ случаѣ не хуже той, въ которой они живутъ теперь ⁸⁾.

„Какъ же можно жить, не зная, что будетъ; не зная, въ какихъ формахъ будешь жить?“

Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что будетъ. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. Онъ знаетъ. Только такая дѣятельность служить свидѣтельствомъ вѣры въ Бога и въ Его законъ. Только тогда и свобода, и жизнь ⁹⁾.

Двѣ различныя версіи исторіи улья съ лубочной крышкой.

Первая версія (исторія) улья съ лубочной крышкой была составлена трутнемъ исторіографомъ Прупру. Другая же версія составлена одной изъ рабочихъ пчелъ.

Исторія улья съ лубочной крышкой, составленная трутнемъ, начинается перечисленіемъ матеріаловъ и источниковъ. Матеріалы и источники слѣдующіе: „Записки знаменитыхъ трутней. Переписка Его Высочества трутня Дебе Старшаго съ его свѣтлостью Куку младшимъ. Гофъ Фурьерскій журналъ. Устныя преданія, пѣсни и романсы трутней. Уголовныя и гражданскія дѣла между трутнями и пчелами. Описанія путешествій жуковъ, мошекъ и трутней чужихъ

⁴⁾ О знач. русск. рев. гл. XIV. 1906 г.

⁵⁾ Конецъ Вѣка. гл. XII. 1905 г.

⁶⁾ Изъ писемъ. 27 февр. 1904 г.

⁷⁾ Изъ писемъ. Начало іюля 1902 г.

⁸⁾ Докладъ на Конг. Мира. 1909 г.

⁹⁾ Дн. 13 сент. 1891 г.

¹⁾ Изъ пис. 1889 г.

²⁾ О знач. русск. рев. гл. XIV. 1906.

³⁾ О знач. русск. рев. гл. XIV. 1906.

ульевъ. Статистическія свѣдѣнія о количествѣ меда въ различные періоды жизни улья".

Исторія улья съ лубочной крышкой исторіографа Прупру начинается со времени перваго роенія и появленія первыхъ трутней. По описаніямъ трутня Прупру время это отъ 6-го Іюня до Петрова дня было самымъ цвѣтущимъ временемъ улья съ лубочной крышкой. Сила и богатство улья обращали на себя въ это время вниманіе всѣхъ другихъ ульевъ, возбуждали зависть сосѣдей и привлекали къ себѣ знаменитыхъ посѣтителей. И самъ улей находился подъ особымъ покровительствомъ самого дѣда Анисима. Ульи всѣ работали въ это время, работали и обитатели улья съ лубочной крышкой; но главное отличіе и преимущество улья съ лубочной крышкой были въ томъ, что онъ первый успѣлъ произвести на свѣтъ трутней, составившихъ его славу и внутреннимъ управленіемъ и внѣшними сношеніями. Есть и было много ульевъ неисторическихъ. Они живутъ, сами не зная о томъ—живутъ и умираютъ въ неизвѣстности; но не то было въ ульѣ съ лубочной крышкой.

Во второмъ часу дня, въ то время, какъ рабочая пчела, какъ выучная лошадь, продолжала свою безостановочную обычную низменную работу, таская медъ и пергу для дѣтей, въ первый разъ вылетѣли трутни. Тѣ, которые видѣли этотъ выходъ, единогласно утверждаютъ, что міръ никогда не видѣлъ зрѣлища великолѣпіе этого. Большіе, черные, мохнатые, гладкіе трутни одинъ великолѣпіе другого появлялись изъ летка, и вмѣсто того, чтобы какъ простыя пчелы, тотчасъ же летѣть черезъ заборъ въ лѣсъ и луга за кормомъ, тотчасъ же, тутъ же взвивались кверху, завораживали кругомъ и, какъ орлы, носились надъ ульями. Зрѣлище было столь поразительно своей величественностью, что нельзя было безъ слезъ умиленія созерцать его; но еще болѣе оно было поразительно своимъ глубокимъ значеніемъ.

Вылетѣвъ изъ улья, трутни затрубили каждый свое, излагая каждый свое воззрѣніе на задачи государственнаго управленія и на предстоящія въ немъ измѣненія и усовершенствованія. Вниманіе собранія было обращено преимущественно на положеніе и дѣятельность рабочей пчелы, которая по общему голосу была признана не удовлетворительной и требующей исправленія и наставленія. Собраніе раздѣлило между собой различныя области управленія и тотчасъ же приступило къ изложенію мѣръ, которыя должны были содѣйствовать болѣе правильному труду пчелъ. Тотчасъ же были избраны правители, ихъ помощники, помощники помощниковъ: цензоръ нравовъ, наблюдатели, блюстители нравственности, судьи, жрецы, поэты и разсудители—и всѣмъ было положено соотвѣтствующее содержаніе и награжденіе. Избраны (были), по мнѣнію избравшихъ и избранныхъ, самые выдающіеся люди. Тутъ были всѣ свѣтила, вся стая славныхъ орловъ, наложившихъ неизгладимую печать величія на это время.

Долго, трубя, кружились они всѣ передъ ульями, стелкая летавшихъ за кормомъ пчелъ и не понимавшихъ всего значенія того, что для нихъ дѣлалось. Очень часто неблагодарныя пчелы совершенно не понимали всего того, что для нихъ дѣлалось, и выражали между собой даже неудовольствіе на дѣятельность трутней. Такъ, въ одномъ дневникѣ пчелы за это время записано слѣдующее:

"Расходились нынче наши господа, трубили и кружились безъ толку надъ ульями часа четыре и много мѣшали народу работать. Часа въ четыре только убрались. Измучились всѣ, ничего не дѣлая, и тотчасъ же принялись жрать. Ну да Богъ съ ними. Хватить и на нихъ. Скучно только, что мѣшаютъ работать".

На другой депъ трутни вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. Снаружи казалось, что они дѣлаютъ все то же. Но это только казалось непонимающимъ. У нихъ шла сложная и трудная работа. Вотъ выписка изъ дневника одного изъ главныхъ дѣятелей:

"Я избранъ единогласно учредителемъ правильнаго полета рабочихъ. Обязанность моя очень трудна и сложна; я понимаю всю ея важность и потому, не жалѣя своихъ силъ, стараюсь наилучшимъ образомъ исполнить ее; но одному это слишкомъ трудно, и потому я пригласилъ себѣ въ помощники А.,—тѣмъ болѣе, что двоюродный (братъ) моей тетки просилъ меня помѣстить его. Такъ же я поступилъ и относительно Б. и Д. и Г. Имъ тоже нужны будутъ помощники. Такъ что всѣхъ насъ въ нашемъ департаментѣ будетъ 36 или 38 человекъ. Я заявилъ въ совѣтъ о томъ, что намъ для нашей дѣятельности необходимы два сота съ медомъ. Постановленіе объ этомъ прошло единогласно, и мы тотчасъ вступили въ исправленіе своихъ должностей,

ночь же провели на сотахъ и ѣли медъ. Медъ вкуса недурного, но можно надѣяться, что при правильной дѣятельности вкусъ его еще усовершенствуется, если мой проэктъ будетъ принятъ. На другой день я въ общемъ собраніи изложилъ свой проэктъ. „Господа“, сказалъ я, „намъ необходимо обдумать прежде всего тѣ мѣропріятія, при которыхъ намъ возможно будетъ выработать тѣ начала, на которыхъ мы можемъ составить проэктъ программы нашихъ дѣйствій.“ Мнѣнія раздѣлились. Дебе старшій, предсѣдательствующій въ совѣтѣ, предложилъ голосованіе. Но вопросъ о голосованіи оказался недостаточно уясненнымъ и рѣшено было избрать комиссію, предложивъ ей разобрать вопросъ о голосованіи и представить къ слѣдующему засѣданію..."

Такъ же усердно работали и другіе дѣятели, и улей, благодаря ихъ трудамъ, благоденствовалъ все болѣе и болѣе. Каждый день правители-трутни вылетали, кружились, обсуждая и рѣшая важныя государственныя вопросы и по ночамъ возвращались въ улей, облѣпляли соты и подкрѣпляли свои силы заготовленнымъ для нихъ медомъ. Благоденствіе, какъ ихъ, такъ и всего улья, было полное. Произшла, правда, небольшая пертурбація, состоящая въ томъ, что часть рабочей пчелы нашла нужнымъ вдругъ почему-то вылетѣть съ маткой изъ улья и повиснуть на суку рябины. И такое самовольное дѣйствіе пчелъ могло бы нарушить вліяніе трутней, если бы они не догадались въ то самое время, какъ совершался этотъ полетъ, предписать его, такъ чтобы пчелы не могли думать, что онъ сдѣлалъ это по своей волѣ и безъ высшаго указанія правителей. Отроившіяся пчелы были признаны изгнанниками, оставшіяся же въ ульѣ пчелы продолжали по прежнему повиноваться и заботиться о содержаніи своихъ правителей. Но къ концу августа стали проявляться признаки возмущенія. Однажды трутни послѣ полета явились въ соты и къ удивленію нашихъ сотъ занятыми рабочей пчелой, которая не пустила ихъ. Они съ негодованіемъ удалились и полетѣли въ другіе ульи. Но въ другихъ ульяхъ было то же. Ихъ не пускали. Очевидно погибало все. Трутни сдѣлали послѣднюю попытку: влетѣли въ свой улей, но пчелы не пустили ихъ наверхъ, а сбили внизъ, гдѣ было холодно и не было корма. И такъ было и на другой и на третій день. Трутни худѣли, высматывали и помирали одинъ за другимъ. Ни одинъ изъ нихъ не унизился до работы для своего пропитанія.

Пчелы что-то дѣлали, гудѣли наверху на сотахъ, но, какъ говорятъ историки трутни, очевидно погибали въ анархіи, лишившись своихъ руководителей.

Неповиновеніе пчелъ трутнямъ погубило ихъ. Они погибли. Этимъ кончалась исторія улья съ лубочной крышкой, написанная трутнями.

Исторія, написанная пчелой, не сходилась съ этой исторіей. Въ исторіи, написанной пчелой, значилось, что жизнь улья началась съ ранней весны, когда улей былъ выставленъ на солнце, и пчела тотчасъ же, опорожнившись, полетѣла на цвѣтущую вербу, и жужжа осыпала ее, собирая съ цвѣтовъ пергу на лапки и медъ въ желудки. Жизнь пчелы, по описанію пчелинаго историка, была непрерывающей радостью труда. Не переставая расцвѣтали одни цвѣты за другими, и на яблоняхъ, и на кустахъ, и на поляхъ, и наслажденіе труда соединялось съ наслажденіемъ цвѣтущей природы. Въ ульѣ быстро росли хорошо питаемые черви и рабочихъ пчелъ, и трутней, и матки, и наполнились ячейки душистымъ медомъ. Было такъ всего много, такъ богато, что нужно было найти новое мѣсто, и пчелы выпустили на свѣтъ трутней, изъ которыхъ имъ только одинъ на время былъ нуженъ для оплодотворенія новой матки, и выкормили на всякій случай трехъ матокъ, хотя имъ нужна была только одна. Наступило самое важное время—необходимость раздѣлиться отъ слишкомъ большого размноженія. Работа въ это время шла усиленная. И въ это-то время появились трутни и стали послѣ полдня трубить, летать надъ ульями. Пчелы и не знали и не думали о томъ, какое значеніе приписывали себѣ трутни, но допускали ихъ праздность и обжорство, потому что думали, во-первыхъ, что одинъ изъ нихъ понадобится, во-вторыхъ, потому что всего было много и можно было не жалѣть добро даже для праздныхъ и ненужныхъ трутней. Вотъ что въ то самое время, когда трутни думали, что управляютъ пчелами, писала одна пчела въ своихъ запискахъ (4-ая тетрадь, стр. 5).

Въ концѣ мая совершилось великое событіе: пчелы отпустили старую матку въ новое царство, сами же остались съ новой оплодотворенной царицей, которая тотчасъ же стала класть яйца. Зацвѣла липа, и надо было и кормить дѣтву и, пользуясь короткимъ цвѣтеньемъ, запасать медъ на

зиму. Цвѣтъ былъ сильный, не омывшій дождемъ, и пчелы набрали много, но и на зиму нужно было много, трутни же, приписывая себѣ несвойственное имъ значеніе, думая, что они нужны, продолжали пожирать заготовляемое рабочими. Такъ шло нѣкоторое время, но требованія внутреннія стали болѣе обильны, цвѣтъ кончился, остались однѣ рѣшны и, не сговариваясь, не рѣшая ничего, пчелы одновременно всѣ перестали пускать трутней къ меду, стали сбивать ихъ и даже подсекавать дерзкихъ и ненужныхъ. Трутни всѣ были уничтожены, но улей не только не погибъ, но въ самомъ цвѣтущемъ состояніи приготовился къ зимѣ. Наступила зима, пчелы затихли, сѣли на мѣста, поддерживая тепло въ дѣтяхъ, и дождались опять весны и опять радости жизни¹⁾.

Л. Толстой.

1889 г., 1900 г.

Передъ военнымъ судомъ¹⁾.

Въ губернскомъ городѣ засѣдаетъ военный судъ. Стоитъ столъ, на столѣ зеркало съ двуглавымъ орломъ наверху и печатными словами внизу, лежатъ книги законовъ, аккуратно сложенные, цѣльные исписанные листы бумагъ съ печатными заголовками. За столомъ на первомъ мѣстѣ сидитъ въ военномъ мундирѣ съ галунами и крестомъ на шеѣ плотный человѣкъ съ лицомъ умнымъ, выражающимъ добродушіе, особенно умиленное теперь тѣмъ, что онъ только что хорошо позавтракалъ и получилъ успокоительное извѣстіе о здоровьѣ меньшого ребенка. Рядомъ съ нимъ другой офицеръ нѣмецкаго происхожденія, недовольный своимъ назначеніемъ и обдумывающій теперь тотъ рапортъ, который онъ подаетъ начальнику. На третьемъ мѣстѣ совѣтъ молодой офицеръ, щеголь и весельчакъ, только что отпущившій за завтракомъ у полковника остроумную шутку, развеселившую всѣхъ. Онъ вспоминаетъ теперь эту шутку и чуть замѣтно улыбается. Ему страшно хочется курить, и онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ перерыва. За отдѣльнымъ столикомъ сидитъ секретарь. Передъ нимъ куча бумагъ, и онъ весь поглощенъ заботой о томъ, чтобы быть готовымъ по первому требованію начальства подать требуемую бумагу.

Два молодыхъ человѣка: одинъ крестьянинъ Пензенской губерніи, другой мѣщанинъ города Любима, одѣтые въ солдатскую одежду, вводятъ третьяго совѣтъ молодого человѣка, одѣтаго тоже въ солдатскую шинель.

Молодой человѣкъ этотъ блѣденъ, онъ только разъ взглянулъ на судъ и сосредоточенно смотритъ передъ собою. Молодой человѣкъ этотъ уже три года просидѣлъ въ тюрьмѣ за отказъ отъ присяги и военной службы. Чтобы избавиться отъ него, послѣ трехъ лѣтъ тюрьмы, ему предложили присягнуть, и тогда онъ, какъ солдатъ, пробывшій три года на службѣ, хотя и въ тюрьмѣ, могъ бы быть отпущенъ. Но молодой человѣкъ и въ церкви сказалъ то же, что онъ говорилъ при приѣмѣ, — что онъ, какъ христіанинъ, не можетъ ни присягать, ни быть убійцей. Теперь его судятъ за этотъ новый отказъ.

Секретарь читаетъ бумагу, называемую обвинительнымъ актомъ. Въ немъ говорится о томъ, что молодой человѣкъ отказался получать жалованье и считаетъ военную службу грѣхомъ. Добродушный предсѣдатель спрашиваетъ: признаешь ли ты себя виновнымъ?

— Все, что сказано тутъ, все это я дѣлалъ и говорилъ; но виноватымъ себя не признаю, — запинаясь и съ дрожью въ голосѣ говорить молодой человѣкъ.

Предсѣдатель киваетъ головой въ знакъ того, что отвѣтъ въ порядкѣ, заглядываетъ въ бумагу и спрашиваетъ: что ты можешь сказать въ объясненіе своего отказа?

— Отказался и отказываюсь потому, что считаю военную службу грѣхомъ (онъ запинаяется)... противнымъ ученію Христа.

Предсѣдатель удовлетворенъ и этимъ и одобрительно киваетъ головой. Все въ порядкѣ. — Не имѣешь ли ты еще чего заявить?

Молодой человѣкъ съ дрожащей нижней челюстью говоритъ о томъ, что въ Евангеліи сказано, запрещено не только убійство, но недоброе чувство къ брату.

Предсѣдатель одобряетъ и это. Нѣмецъ недовольно хмурится, молодой офицеръ, поднявъ голову и брови, внимательно слушаетъ, какъ что-то новое и интересное.

Обвиняемый, все болѣе и болѣе волнуясь, говоритъ о томъ, что клятва прямо запрещена, что онъ считалъ бы себя виноватымъ, если бы не отказался, что онъ и теперь готовъ...

Предсѣдатель останавливаетъ его, такъ какъ находитъ, что подсудимый говорить уже неподходящее къ дѣлу, и потому ненужное.

Послѣ этого вызываются свидѣтели. Свидѣтели — командиръ полка и фельдфебель. Командиръ полка, обычный партнеръ предсѣдателя въ винтъ и великій охотникъ и мастеръ игры, и фельдфебель, ловкій, красивый, услужливый полякъ шляхтичъ, большой охотникъ до чтенія романовъ. Входитъ и священникъ, пожилой человѣкъ, только что проводившій свою дочь съ зятемъ и внуками, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости, и разстроенный столкновениемъ съ матушкой изъ-за того, что онъ отдалъ дочери коверъ, который матушка не желала отдавать.

— Потрудитесь, батюшка, привести къ присягѣ свидѣтелей и сдѣлать напоминаніе о грѣхѣ передъ Богомъ за неправильное показаніе, — обращается предсѣдатель къ священнику.

Батюшка надѣваетъ эпитрахиль, беретъ крестъ и евангеліе и говоритъ привычныя слова увѣщанія. Потомъ приводитъ къ присягѣ полковника. Полковникъ, быстрымъ движеніемъ поднявъ два чистые пальца, которые такъ хорошо знаетъ предсѣдатель, слѣдя за ними во время карточной игры, проговариваетъ за священникомъ слова присяги и, чмокая, цѣлуетъ, какъ будто съ удовольствіемъ, крестъ и евангеліе. Вслѣдъ за полковникомъ входитъ и католическій священникъ и такъ же скоро приводитъ къ присягѣ красавца фельдфебеля.

Судьи спокойно и серьезно дожидаются. Молодой офицеръ вышелъ и затаился и вернулся во время къ показанію свидѣтелей.

Свидѣтели показываютъ то самое, что говорилъ отказавшійся. Предсѣдатель выражаетъ одобреніе. Потомъ встаетъ сидѣвшій отдѣльно офицеръ, — это обвинитель. Онъ подходитъ къ конторкѣ, перекладываетъ съ мѣста на мѣсто лежащія на ней бумаги и начинаетъ говорить, громко, связно излагая все то, что сдѣлалъ этотъ молодой человѣкъ, что всѣ судьи знаютъ, и что самъ молодой человѣкъ только что высказывалъ, не только не утаивая того, за что его обвиняли, но, напротивъ, усиливая поводъ обвиненія. Обвинитель говоритъ о томъ, что подсудимый, какъ самъ говоритъ, не принадлежитъ ни къ какой сектѣ, что родители его православные, и что поэтому отказъ его отъ военной службы имѣетъ основаніемъ своимъ только упорство. И что упорство это, какъ его, такъ и подобныхъ ему заблуждающихся и непокорствующихъ людей, привело правительство къ опредѣленію противъ такихъ людей строгихъ мѣръ наказанія, такихъ, которыя, по его мнѣнію, и приложимы въ настоящемъ случаѣ. Послѣ этого что-то, совѣтъ никому не нужное, говоритъ защитникъ. Потомъ всѣ выходятъ, потомъ опять вводятъ подсудимаго, и входитъ судъ. Судьи присаживаются и тотчасъ же встаютъ, и предсѣдатель, не глядя на подсудимаго, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ объявляетъ рѣшеніе суда: подсудимый, тотъ человѣкъ, который три года страдалъ изъ-за того, чтобы не признавать себя солдатомъ, — во-первыхъ, лишается военного званія и какихъ-то правъ состоянія и преимуществъ и присуждается къ арестантскимъ ротамъ на 4 года.

Послѣ этого конвойные отводятъ молодого человѣка, и всѣ участвовавшіе идутъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ и увеселеніямъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго.

Только молодой человѣкъ, охотникъ до куренія, испытываетъ какое-то странное, тревожащее его чувство, которое онъ не можетъ отогнать, при неотвязчиво вспоминающихся ему благородныхъ, сильныхъ, неотразимыхъ словахъ подсудимаго, выраженныхъ съ такимъ волненіемъ. На совѣщаніи судей молодой офицеръ этотъ хотѣлъ было не согласиться съ рѣшеніемъ старшихъ, но замаялся, проглотилъ слюну и согласился.

На вечерѣ у полкового командира, гдѣ въ промежуткахъ между двумя рапортами собрались всѣ у чайнаго стола, разговоръ зашелъ объ отказавшемся солдатѣ. Полковой командиръ опредѣленно выразилъ свое мнѣніе о томъ, что причина всего необразованность: пахватаются всякихъ понятій, а не знаютъ, что къ чему, и выходятъ такія несообразности.

¹⁾ Отрывокъ изъ появляющейся въ скоромъ времени книги Л. Н. Толстого «Законъ насилія и законъ любви», еще никогда не печатавшейся въ Россіи. — *Ред.*

— „Нѣтъ, я, дядя, несогласна съ вами“, вступилась въ разговор курсистка, социаль-демократка, племянница полкового командира. — „Достойна уваженія энергія, стойкость этого человѣка. Жалѣть можно только о томъ, что сила эта ложно направлена“, прибавила она, думая о томъ, какъ полезны были бы такіе стойкіе люди, если бы они стояли только не за отжившія религіозныя фантазіи, а за научныя социалистическія истины.

— „Ну, да ты извѣстная революціонерка“, улыбаясь, сказала дядя.

— „А мнѣ кажется“, безпрестанно затягиваясь, заговорилъ молодой офицеръ, „что съ точки зрѣнія христіанства ничего нельзя возражать ему“.

— „Ужъ не знаю, съ какой точки“, строго сказалъ старый генералъ, знаю только то, что солдату надо быть солдатомъ, а не проповѣдникомъ“.

— „По моему же главное дѣло въ томъ“, сказалъ, улыбаясь глазами, предсѣдатель суда, „что если мы хотимъ доиграть всѣ шесть роверовъ, то надо не терять золотого времени“.

— „Кто не допилъ чай, я подамъ къ карточному столу“, сказалъ гостепріимный хозяинъ, и одинъ изъ игроковъ ловкимъ привычнымъ движеніемъ вѣромъ раскинулъ карты. И игроки размѣстились...

Въ сѣняхъ тюрьмы, гдѣ конвойные съ отказавшимся отъ службы арестантомъ дожидались распоряженія начальства, шелъ такой разговоръ:

— „Якъ же батька не знае“, говорилъ одинъ изъ конвойныхъ. „Хиба не було у книгахъ, якъ бы имъ“.

— „Стало быть, не понимаютъ“, отвѣчалъ отказавшійся. — „Если бы понимали, опя бы то же самое говорили. Христосъ не убивать велѣлъ, а любить“.

— „Такъ то такъ. Чудно и, главное дѣло, трудно“.

— „Ничего не трудно. Я вотъ просидѣлъ и еще просижу, а на душѣ мнѣ такъ хорошо, что дай Богъ всякому“.

Подожелъ унтеръ-офицеръ несироевой роты, уже не молодой человѣкъ: — „Что, Семенычъ, обратился онъ съ уваженіемъ къ арестанту. Приговорили?“

— „Приговорили“.

Унтеръ офицеръ мотнулъ головой. — Такъ то такъ. Да терпѣть трудно.

— „Стало быть, такъ надо“, отвѣчалъ улыбаясь арестантъ, видимо тронутый сочувствіемъ.

— „Такъ то такъ, Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ, да трудно“.

На эти слова быстрымъ молодецкимъ шагомъ вошелъ въ сѣни красавецъ полякъ фельдфебель. „Нечего разговоры разговаривать. Маршъ въ новую тюрьму“. — Фельдфебель былъ особенно строгъ, потому что ему дано было приказаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы арестованный не общался съ солдатами, такъ какъ, вслѣдствіе этихъ общеній за тѣ два года, которые онъ просидѣлъ здѣсь, четыре человѣка были совращены имъ въ такіе же отказы отъ службы и судились уже и сидятъ теперь въ различныхъ тюрьмахъ.

Левъ Толстой.

1908 г.

Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину.

1850 лѣтъ тому назадъ открытъ людямъ Иисусомъ Христомъ новый законъ. Ученіемъ своимъ и жизнью и смертию своею Иисусъ Христосъ показалъ людямъ, что должно и чего не должно дѣлать тому, кто хочетъ быть ученикомъ его — христіаниномъ.

Ученіе Христа, какъ теперь, такъ и тогда, было противно ученію міра.

По ученію міра цари властители управляютъ народами и, чтобы управлять ими, заставляютъ однихъ людей убивать, казнить, наказывать другихъ людей, заставляютъ ихъ клясться въ томъ, что они во всемъ будутъ исполнять волю начальствующихъ.

По ученію же Христа [ни] одинъ человѣкъ не можетъ не только убивать, но насилловать другого, даже силою сопротивляясь ему, не можетъ дѣлать зла не только ближнимъ, но даже врагамъ своимъ.

Ученіе міра и ученіе Христа были и всегда будутъ противны другъ другу. И Христосъ зналъ это и говорилъ своимъ ученикамъ и предсказывалъ имъ, что какъ онъ самъ пострадаетъ за истину (Мѣ. XX, 18), такъ и ихъ за то же

будутъ предавать на мученія и убивать (Мѣ. XXIV, 9) и что міръ будетъ ихъ ненавидѣть, какъ онъ ненавидѣлъ его; потому что они будутъ не слугами міра, а слугами Отца (І. XV, 19, 20). И все сбылось такъ, какъ предсказалъ Иисусъ. Міръ возненавидѣлъ и искалъ погубить его. Всѣ — и Фарисеи и Саддукеи и Книжники и Иродіане упрекали его въ томъ, что онъ врагъ Кесарю, запрещаетъ платить ему подати и, смущая, развращаетъ народъ, что онъ злодѣй (Л. XXIII, 2, 5, 14), что Онъ дѣлаетъ себя Царемъ и потому онъ врагъ Кесарю (Іо. XIX, 12). Еще до преданія его на казнь (Л. XX, 20, 21, 22, 23, 24, 25) подослали къ нему лукавыхъ людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы его въ какомъ-либо словѣ, чтобы предать его начальству и власти правителя. И они спросили его: Учитель! мы знаемъ, что ты правдиво говоришь и учишь и не смотришь на лицо, но истинно пути Божію учишь. Позволительно ли намъ давать подати Кесарю или нѣтъ? Онъ же, уразумѣвъ лукавство ихъ, сказалъ имъ: что вы меня искушаете? Покажите мнѣ динарій; чье на немъ изображеніе и надпись? Они отвѣчали: Кесарева. Онъ сказалъ имъ: и такъ отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу.

Тогда удивились отвѣту его и замолчали. Отъ него ждали, что онъ скажетъ: или то, что позволительно и должно платить подати Кесарю, и этимъ разрушить все свое ученіе о томъ, что сыны свободны, что человѣкъ долженъ жить, какъ птицы небесныя, не заботясь о завтра и многое другое, или что онъ скажетъ, что не позволительно платить подати Кесарю и этимъ покажетъ, что онъ врагъ Кесаря. Но Христосъ сказалъ: Кесарево Кесарю, Божіе Богу. Онъ сказалъ больше того, чего отъ него ждали. Онъ раздѣлилъ все, что имѣетъ человѣкъ, на двѣ части — на человѣческую и божескую. И сказалъ, что человѣческую можно и должно отдавать человѣку, а божескую нельзя отдавать человѣку, а только Богу.

Этимъ словами онъ сказалъ имъ то, что если человѣкъ вѣритъ въ законъ Бога, то онъ исполнитъ законъ Кесаря только тогда, когда онъ не противенъ Богу. Для фарисеевъ, не знавшихъ истины, былъ все-таки законъ Бога, который они не преступили бы, если бы имъ это и велѣлъ законъ Кесаря. Они не отступили бы отъ обрѣзанія, отъ соблюденія субботы, отъ постовъ, отъ многого другого. Если бы Кесарь потребовалъ отъ нихъ работы въ субботу, они бы сказали: отдадимъ Кесарю всѣ дни, но не день субботы. Тоже и съ обрѣзаніемъ и съ другимъ. Отвѣтомъ своимъ Христосъ показалъ имъ, что законъ Бога стоитъ выше закона Кесаря и что человѣкъ можетъ отдать Кесарю только то, что не противно закону Бога.

Что же для Христа и для учениковъ Кесарево, что Божіе?

Ужасъ беретъ, когда подумаешь о томъ отвѣтѣ, на этотъ вопросъ, который услышали отъ христіанъ нашего времени.

Божье, по сужденію нашихъ христіанъ, никогда не мѣшаетъ Кесареву. А Кесарево всегда согласно съ божескимъ. Вся жизнь отдается служенію Кесарю и только то, что не мѣшаетъ Кесарю, отдается Богу. Да еще свѣчи, жертвы на церковь.

Не такъ разумѣлъ это Христосъ. Для Христа вся жизнь была Божья, а Кесарю можно было отдавать то, что не Божье. Кесарево Кесарю, а Божье Богу. Что Кесарево? — Монета, плотское, не твое. — Плотское все и отдавай тому, кто беретъ, но жизнь твоя, полученная отъ Бога, жизнь твоя, она вся Божья. Ее никому нельзя отдавать, кромѣ Бога, потому что жизнь человѣка, по ученію его, есть служеніе Богу (Мѣ. IV, 10). И служить нельзя двумъ господамъ (Мѣ. VI, 24). Все плотское человѣкъ долженъ отдавать всякому и потому можетъ отдавать Кесарю, но служить не можетъ никому, кромѣ Бога.

Если бы люди вѣровали въ ученіе Христа, ученіе любви, не могли бы попираетъ такъ всѣ законы божескіе, открытые намъ Христомъ, для того, чтобы исполнять законы Кесарева.

Левъ Толстой.

1886 г.

Дѣйствительное средство.

Само собою разумѣется, что очень радъ бы былъ сдѣлать все, что могу, для противодѣйствія тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертною казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ

дверей; не выражения негодования против безправственности, жестокости и бессмысленности смертной казни (всякій искренний и мыслящий человек и, кроме того, еще и знающий съдѣлства шестую заповѣдь, не пуждается въ разъясненіяхъ безсмысленности и безправственности смертной казни); не нужны также и описанія ужасовъ самого совершенія казней; такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самыхъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

И потому думаю, что главнымъ образомъ нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себя подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

Какъ прекрасно говоритъ Кантъ, „есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ, тогда заблужденіе исчезнетъ само собою“.

Какія же знанія нужно сообщить заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой.

Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что такое человекъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что одно и то же, въ чемъ его назначеніе и потому, что можетъ и долженъ дѣлать каждый человекъ а главное, чего не можетъ и не долженъ дѣлать.

И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они, только благодаря смертной казни, удерживаютъ свое положеніе. — внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

Знаю, что дѣло это не легкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами власти, насилія, обмана, коварства, лжи, жестокости стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распри сторонниковъ ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни и главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственно дѣйствительное средство борьбы

29 Октября 1910 г.
Шамардино.

Левъ Толстой.

О Религіи.

Мысли Л. Н. Толстого.

Исправленіе существующаго зла жизни не можетъ начаться ни съ чего другого, какъ только съ обличенія религіозной лжи и свободнаго установленія религіозной истины въ самомъ себѣ каждымъ отдѣльнымъ человекомъ ¹⁾.

Міръ христіанскихъ народовъ дошелъ до животной, звѣрской жизни, изъ которой кажется, что нѣтъ выхода. Спасеніе отъ этого бѣдственнаго положенія одно: возстановленіе проповѣдью любви, словомъ и, главное, дѣломъ того закона Божья, который проповѣдывался во всѣхъ религіяхъ и который во всѣхъ былъ затемненъ ложными вѣрами ²⁾.

Когда происходитъ такое страшное дѣло, какъ война, всѣ дѣлаютъ сотни соображеній о самыхъ различныхъ значеніяхъ и послѣдствіяхъ войны, но никто не дѣлаетъ разсужденія о себѣ: что ему, мнѣ, надо дѣлать по отношенію войны. Это — самая лучшая и ясная иллюстрація того, какъ ничто не можетъ исправить существующаго зла, кроме религіи ³⁾.

Ничто не можетъ избавить человѣчество отъ его сознанныхъ имъ бѣдствій. Только истинная, живая религія ⁴⁾.

ЕДИНЕНИЕ

О прекращеніи войны.

Въ томъ разногласіи, которое, въ настоящее время, все больше и больше проявляется среди русскихъ людей въ вопросѣ о возможности немедленнаго прекращенія войны, — положеніе тѣхъ изъ насъ, которые раздѣляютъ свободнохристіанское — иначе называемое „толстовскимъ“ — жизнепониманіе, самое простое и ясное.

Согласно внутреннему закону, вложенному въ душу каждаго человека, мы признаемъ, что поступки бываютъ хорошіе и дурные, и что хорошіе поступки слѣдуетъ совершать, а отъ дурныхъ — воздерживаться. Человѣкоубійство есть поступокъ несомнѣнно и безусловно дурной. Война основана на человѣкоубійствѣ, и потому отъ нея слѣдуетъ воздерживаться, а если она уже начата, то ее слѣдуетъ немедленно прекращать.

Мы признаемъ, что цѣль не оправдываетъ средствъ, т. е. что недопустимо намѣренно совершать ни малѣйшаго зла, ради достиженія какихъ бы то ни было предполагаемыхъ благихъ цѣлей, хотя бы и самыхъ великихъ.

Мы вѣримъ, что отъ хорошихъ поступковъ получаются только хорошія послѣдствія и что отъ дурныхъ поступковъ бываютъ только дурныя. А такъ какъ, кроме того, мы знаемъ, что невозможно предвидѣть, какія именно будутъ послѣдствія нашихъ поступковъ, то для насъ сами собой отпадаютъ всякіе расчеты и соображенія о томъ, какія выгоды можно получить отъ продолженія войны и какія бѣдствія могутъ, будто бы, наступить отъ ея немедленнаго прекращенія.

Прекратить войну не въ нашей власти. Но наше убѣжденіе въ томъ, что ее слѣдовало бы немедленно прекратить независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, ясно и точно опредѣляетъ наше отношеніе къ этому вопросу. И на этомъ основаніи мы не можемъ не радоваться всякимъ признакамъ того, что и народъ нашъ и солдаты все больше тяготеютъ войною и все чаще проявляютъ миролюбивыя побужденія, указывающія на возможность прекращенія войны, вслѣдствіе изсякновенія въ нашихъ войскахъ необходимаго для ея продолженія военнаго пыла.

Все это естественно и неизбежно вытекаетъ изъ нашего основнаго жизнепониманія.

Но люди, относящіеся къ войнѣ съ „государственной“ или „политической“ точки зрѣнія, совершенно чуждой христіанскому жизнепониманію, хотя въ общемъ и признають желательнымъ прекращеніе войны, считаютъ однако необходимымъ сначала довести ее до „побѣднаго конца“ и, во всякомъ случаѣ, не мириться съ непріятелемъ безъ согласія на то нашихъ союзниковъ.

При этомъ упускается изъ виду, что человеку не дано знать, что будетъ, и совершенно произвольно предпринимается то, что „побѣдный конецъ“ войны будетъ непременно состоятъ въ побѣдѣ Россіи и ея союзниковъ надъ нѣмцами. Вопросъ о томъ кто побѣдитъ — это палка о двухъ концахъ, и впередъ совсѣмъ неяснѣе, которой изъ воюющихъ сторонъ достанется именно „побѣдный конецъ“. А потому, даже съ государственной точки зрѣнія, въ высшей степени легкомысленно рисковать всѣмъ на томъ шаткомъ предположеніи, что побѣдитъ должна непременно Россія. А что, если побѣдятъ нѣмцы?

Съ своей стороны, я убѣжденъ въ томъ, что въ этой войнѣ Россія никакъ не можетъ оказаться побѣдительницей. И думаю я такъ не потому, чтобы считать, что для побѣды у русскаго народа не хватаетъ какихъ либо достоинствъ или необходимой силы: но, какъ разъ наоборотъ, — потому, что вижу и знаю, что русскій народъ, въ общей своей массѣ, въ настоящее время переросъ тотъ низкій уровень душевнаго развитія, на которомъ возможно одерживать верхъ въ кулачной расправѣ.

По своей врожденной природѣ, не развращенной при томъ западной культурой, русскому народу не присущи тѣ человѣческіе пороки и недостатки, которые необходимы для успѣшнаго веденія военнаго дѣла. Напротивъ того, онъ отличается какъ разъ обратными свойствами, — тѣми, которыя

¹⁾ На каждый день, 16 Апрѣля.

²⁾ На каждый день, 1 Сентября.

³⁾ Дневникъ, 28 Января 1904 г.

⁴⁾ Чернов. Кр. Чт.

принято называть „христианскими“. Кроме того, за последние годы, въ особенности послѣ японской войны, внутреннее сознание русскаго трудового народа развивается весьма быстро, вслѣдствіе чего онъ не можетъ не видѣть всей безсмысленности и всего нравственнаго уродства взаимнаго уничтоженія населенія различныхъ странъ.

Объ этой несовмѣстимости воинственнаго патриотизма съ христианскимъ духомъ нашего народа хорошо говоритъ Толстой въ своей статьѣ „Конецъ Вѣка“, написанной по поводу русско-японской войны:

„... Японцы имѣли и имѣютъ огромное преимущество: то, что они не христиане... Необходимое превосходство въ военномъ дѣлѣ нехристианскихъ народовъ надъ христианскими, при равныхъ средствахъ военной техники, съ полной очевидностью проявилось въ блестящей побѣдѣ японцевъ надъ русскими... Война эта самымъ очевиднымъ образомъ показала, что сила христианскихъ народовъ никакъ не можетъ быть въ противномъ духу христианства военномъ могуществѣ... И вотъ эта-то война, при развитіи грамотности, при всеобщемъ недовольствѣ и, главное, при необходимости вызова въ первый разъ сотенъ тысячъ разбѣянныхъ по всей Россіи пожилыхъ, отрываемыхъ отъ семей и разумнаго труда, людей (запасныхъ) для явно безумнаго и жестокаго дѣла—война эта была тѣмъ толчкомъ, который превратилъ невидную, глухую, внутреннюю работу въ явное сознание незаконности, грѣховности повиновенія правительству. И сознание это выразилось и выражается въ самыхъ разнообразныхъ и значительныхъ явленіяхъ...“

Я думаю, что Толстой здѣсь глубоко правъ и что одна изъ главныхъ причинъ того, что не только нельзя рассчитывать на побѣду Россіи надъ Германіей, но и не слѣдуетъ желать этого, — заключается въ сравнительномъ духовномъ и нравственномъ преимуществѣ нашего народа передъ нѣмецкимъ, еще находящимся подъ сильнымъ гипнозомъ воинственнаго патриотизма. Побѣда русскихъ надъ нѣмцами была бы скольконибудь возможной только въ томъ случаѣ, если бы удалось понизить душевное состояніе нашего народа до того болѣе грубаго и умственно тупого уровня, на которомъ еще находятся западно-европейскіе народы. Объ этомъ такъ отчаянно и хлопотутъ наши теперешніе представители власти и большая часть нашей прессы. Но какое значеніе, кромѣ временнаго одурманенія наиболѣе неустойчивыхъ и легкомысленныхъ группъ, можетъ имѣть такая проповѣдь? Развѣ это воздѣйствіе со стороны нашей столь чуждой народу интеллигенціи можетъ задержать историческій ростъ и приближающийся расцвѣтъ духовнаго сознания полуторастамиллоннаго русскаго народа?

Я вовсе не хочу этимъ сказать, что народъ нашъ, проявляющій такое очевидное нежеланіе продолжать войну, есь руководимъ при этомъ наивысшими духовными побужденіями. Причины, заставляющія человѣка отрицательно относиться къ военной службѣ, бываютъ самыя разнообразныя. Кроме сознанія несовмѣстимости военной службы съ волей Божьей или внутреннимъ голосомъ совѣсти; кромѣ признанія безнравственности всякаго убійства; такими причинами могутъ быть и простой, непосредственный ужасъ или возмущеніе передъ творимыми на войнѣ злодѣяніями; убѣжденіе въ неразумности, бесполезности или вредѣ войны; признаніе слѣпой отдачи своей воли и свободы въ распоряженіе начальства унижительнымъ для своего человѣческаго достоинства; вѣра въ международную солидарность рабочаго класса; усталость и душевная измученность отъ участія въ войнѣ; тоска по семьѣ, по дому, по привычнымъ земледѣльческимъ работамъ; желаніе присутствовать на мѣстахъ при разрѣшеніи земельной реформы; наконецъ, нерасположеніе подвергать свою жизнь опасности въ безсмысленномъ дѣлѣ; вліяніе товарищей или заразительность ихъ примѣра, и многое другое. Любопытнѣе изъ этихъ мотивовъ въ отдаленности, или всѣ они вмѣстѣ, въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ и пропорціяхъ могутъ входить въ составъ той суммы обстоятельствъ, которая побуждаетъ человѣка не участвовать въ войнѣ. Часто трудно бываетъ даже въ самомъ себѣ опредѣленно разобраться во всѣхъ своихъ побужденіяхъ; а рѣшать за другого эти сложнѣйшіе и сокровеннѣйшіе вопросы его совѣсти—рѣшительно невозможно. Но и нѣтъ въ этомъ никакой надобности. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о различномъ внутреннемъ духовномъ развитіи отдѣльных лицъ, нельзя не сознавать, что усиливающееся среди нашихъ народныхъ массъ и нашего войска нерасположеніе продолжать войну представляетъ въ своей совокупности въ высшей степени знаменательное явленіе.

Настроеніе это особенно рѣзко проявилось въ недавнемъ такъ-называемомъ „братаніи“ между русскими и нѣмецкими солдатами, о которомъ такъ много говорилось.

Еще въ Крымскую войну замѣчалось подобнаго же рода сближеніе между непріятельскими войсками во время короткихъ перемирій послѣ сраженій для уборки убитыхъ. Въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ Толстого увѣковѣчена удивительная картина тѣхъ отношеній, которыя при этомъ устанавливались между солдатами, только что передъ тѣмъ и тотчасъ же послѣ этого уничтожавшими другъ друга въ слѣпомъ повиновеніи своему начальству.

Въ концѣ своего описанія Толстой говоритъ:

„Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди, христиане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятались, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія“¹⁾.

Но какъ тогда, въ царствованіе деспота Николая Павловича, такъ и теперь, при обновленномъ республиканскомъ строѣ, подобныя прекрасныя чувства одинаково считались и считаются слишкомъ опасными для блага государства, и редакторъ, печатавъ 60 лѣтъ тому назадъ „Севастопольскіе разсказы“, отъ себя вставилъ въ этомъ мѣстѣ въ изложеніе Толстого, къ великому его огорченію, буквально ту же самую оговорку, которую и въ настоящее время на всѣ лады твердятъ представители нашего правительства и нашей прессы: „Но отраднѣе думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаемъ только родной край, родную землю“²⁾.

Въ началѣ нынѣшней войны, несмотря на строгую военную цензуру, въ печать отъ времени до времени проскальзывали сообщенія о случаяхъ подобнаго же характера, свидѣтельствующихъ о томъ, что солдаты воюющихъ странъ въ дѣйствительности не всегда питаютъ другъ къ другу враждебныхъ чувствъ и готовы бываютъ по человѣчески относиться другъ къ другу. Вспоминаю случай, когда двумъ враждебнымъ воинскимъ частямъ предстояло броситься въ штыки, и они остановились, молча глядя другъ на друга, не рѣшаясь приступить къ своему отвратительному дѣлу. „Другъ передъ другомъ мы стояли“, разсказывалъ участвовавшій солдатъ, „штыки наставили, а ни мы, ни они не начинаютъ колоть. И у насъ, и у нихъ на глазахъ слезы“³⁾.

За послѣднее время проявленія эти участились. Въ газетѣ „Новая Жизнь“ Максимъ Горькій такъ высказывается по этому поводу:

„На фронтѣ происходитъ братаніе нѣмецкихъ солдатъ съ русскими,—я думаю, что это вызвано не только физическимъ утомленіемъ, но и проснувшимся въ людяхъ чувствомъ отвращенія къ безсмысленной боинѣ. Не буду говорить о томъ, что отблескъ пламени русской революціи не могъ не зажечь яркихъ надеждъ въ груди нѣмецкаго солдата.“

„Можетъ быть, факты братанія враговъ количественно ничтожны, это отнюдь не умаляетъ ихъ моральнаго, культурнаго значенія. Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующихъ классовъ, будетъ прекращена силою здраваго смысла солдатъ, т.-е. демократіи.“

„Если это будетъ, будетъ нѣчто небывалое, великое, почти чудесное, и это дастъ человѣку право гордиться собой,—воля его побѣдила самое отвратительное и кровавое чудовище—чудовище войны“⁴⁾.

Въ газетѣ „Соціаль-Демократъ“, въ письмѣ солдата съ фронта, трогательно описывается сцена братанія русскихъ солдатъ съ нѣмецкими. „Боже мой“, пишетъ онъ, „вчера стрѣляли, а сегодня цѣлуются и дѣлятся впечатлѣніями... Хотѣлъ нѣмецъ что-то доказать или же разсказать, но—увы—ни онъ по-русски, ни мы—по-нѣмецки... Другіе, стараясь доказать, что довольно воевать, поднимаютъ руки кверху и тычатъ въ землю—моль, наступать не надо—

¹⁾ „Севастополь въ маѣ“.

²⁾ Въ послѣднихъ изданіяхъ „Севастополя въ маѣ“ оговорка эта, по желанію Л. Н. Толстого, исключена.

³⁾ „Рѣчь“ 29 августа 1914 г.

⁴⁾ „Новая Жизнь“, № 3.

винтовку... Потомъ мнѣ удалось воспользоваться товарищемъ, который обладалъ нѣмецкимъ языкомъ... Говорятъ: недовольство у насъ съ каждымъ днемъ растетъ тоже. Всѣ слова и разговоры были о мирѣ... А миръ близокъ: война помретъ своей естественной смертию...¹⁾

Насколько эти проявленія добрыхъ чувствъ со стороны нашихъ солдатъ по отношенію къ „непріятелю“ стали грозить ущербомъ дѣлу ихъ взаимнаго уничтоженія — можно судить по появившимся вслѣдъ за ними приказамъ военнаго начальства.

Такъ, напримѣръ, въ приказѣ по своему вѣдомству отъ 28 апрѣля военный министръ говоритъ:

„Съ фронта идутъ печальныя извѣстія о томъ, что наши солдаты вступаютъ въ дружеское общеніе съ нашими врагами — германцами и австрійцами. Русскіе воины, со свойственной нашему народу довѣрчивостью и добродушіемъ, охваченные радостью завоеванныхъ нашей родиной свободъ, готовы, повидимому, видѣть въ жестокомъ врагѣ своего брата“.

А затѣмъ, вмѣсто того, чтобы признать отраднымъ проявленіе этихъ наивысшихъ свойствъ человѣческаго духа, въ приказѣ говорится, что „таковому отношенію къ нашимъ врагамъ нѣтъ никакого оправданія“, и эти прекрасныя побужденія обзываются „недостойными и предательскими“!

Вопросъ о томъ, насколько искренни нѣмцы въ своемъ поощреніи этого братанія, имѣетъ здѣсь совершенно второстепенное значеніе, равно, какъ и соображенія, подобныя тому, имѣются ли среди русскихъ братающихся солдатъ такіе, которые, пользуясь удобнымъ случаемъ, напиваются нѣмецкой водки. Для насъ важно то, что *жива еще душа* нашего русскаго народа, и что она все больше и больше входитъ въ свои права и даетъ себя чувствовать тѣмъ, что въ нашемъ войскѣ несомнѣнно все увеличивается число такихъ солдатъ, которые не могутъ уже относиться къ, такъ называемому, „непріятелю“ съ необходимымъ для военныхъ цѣлей ожесточеніемъ.

И кто знаетъ, быть можетъ и правъ солдатъ, утверждая въ своемъ письмѣ съ фронта, что миръ близокъ и что *война помретъ своей естественной смертию* оттого, что она спостыдѣла русскому народу.

А что война опостыдѣла русскому солдату, не имѣвшему и съ самаго начала ни малѣйшей охоты въ ней участвовать, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, несмотря на всѣ увѣренія тѣхъ, кто хотятъ видѣть въ ней проявленіе народной воли. Достаточнымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что военное начальство никакъ не согласилось бы объявить солдатамъ, что участіе ихъ въ войнѣ — добровольное, и что кто хочетъ можетъ разойтись по домамъ. И — не согласилось бы потому, что, какъ и мы всѣ, отлично знаетъ, что въ такомъ случаѣ невозможно было бы продолжать войну.

Но, въ такомъ случаѣ, отчего миллионы русскихъ мужиковъ и рабочихъ, несмотря на свое отвращеніе къ этой длящейся вотъ уже четвертый годъ, братоубійственной бойнѣ, все еще не отказываются участвовать въ ней? Вѣдь ихъ такъ много, а начальниковъ у нихъ сравнительно такъ мало. Какая же сила заставляетъ ихъ повиноваться?

В. Чертковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ) *).

Мысли о войнѣ.

(Продолженіе).

Собралъ Р. Е. Коронъ

Удивительно, до какой степени самое ничтожное несогласіе можетъ превратиться въ священную войну. Когда Англія и Франція объявили войну Россіи въ 1855 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться въ дипломатическихъ архивахъ, чтобы понять эту причину. А вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдствіями этого страннаго недоразумѣнія была смерть 500 тысячъ добрыхъ людей и израсходование отъ 5 до 6 миллиардовъ.

Въ сущности причины были, но такіе, въ которыхъ не признаются. Наполеонъ III хотѣлъ посредствомъ союза съ Англіей и счастливой войны утвердить свою, преступнаго происхожденія, власть: русскіе хотѣли захватить Константинополь; англичане хотѣли утвердить могущество своей торговли и помѣшать вліянію русскихъ на Востокъ. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ, это всегда тотъ же духъ завоеванія и насилія.

Риче.

Иногда одинъ властитель нападаетъ на другого изъ страха, чтобы тотъ не напалъ на него. Иногда начинаютъ войну, потому что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда потому, что онъ слишкомъ слабъ; иногда наши сосѣди желаютъ того, чѣмъ мы владѣемъ, или владѣютъ тѣмъ, чего намъ не достаеетъ. Тогда начинается война до тѣхъ поръ, покада они захватятъ то, что имъ нужно, или отдадутъ то, что нужно намъ.

Джонатанъ Свифтъ.

Первая причина всѣхъ войнъ и всей необходимости національной защиты кроется въ томъ, что большинство людей, высоко и низко поставленныхъ, во всѣхъ государствахъ Европы — воры, завидующіе добру, странъ и славѣ своихъ сосѣдей.

Но они не только воры, а и безумцы, и никогда не въ состояніи понять, что благосостояніе ихъ сосѣдей есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ихъ благосостояніе, а бѣдность ихъ сосѣдей, вслѣдствіе общности всѣхъ людей, созданной Богомъ, становится, въ концѣ концовъ, и ихъ бѣдностью. Invidia — зависть къ добру сосѣдей съ того момента, какъ прахъ облекся плотью, стала проклятіемъ людей, а Caritas, — потребность оказывать добро сосѣдямъ, есть единственный источникъ всей человѣческой славы, мощи и матеріальнаго благосостоянія....

Явный грабежъ, какъ онъ ни грубъ, но если совершается смѣло и открыто, не развращаетъ душу человѣка. Но скрытый грабежъ, прячущійся самъ отъ себя, узаконенный, подлый, трусливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользующійся почетомъ, развращаетъ всѣ фибры тѣла и души человѣка. И грабители Европы, дѣйствительные виновники всѣхъ братоубійственныхъ войнъ, это капиталисты, т. е. люди, живущіе на процентъ съ труда другихъ людей, вмѣсто того, чтобы получать определенную плату за свой. Они все время держали рабочихъ въ бѣдности, невѣжествѣ и грѣховности, чтобы имѣть возможность, пользуясь этимъ невѣжествомъ, присвоивать себѣ продукты ихъ труда. Но вотъ сознаніе этого своего положенія слегка пробуждается въ рабочихъ и, рано или поздно, капиталистамъ придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ рабочими, какими они сами ихъ создали.

Джонъ Рескинъ.

Чѣмъ болѣе мы будемъ изслѣдовать, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться, что общественныя бѣдствія и развращенность правительствъ зависятъ именно отъ пренебреженія или презрѣнія къ естественнымъ правамъ человѣка.

То, что Европа, невзирая на прогрессъ цивилизаціи, представляетъ изъ себя въ настоящее время огромный военный лагерь и что силы наиболѣе развитой части человѣчества уходятъ на войны и на приготовленія къ нимъ, этимъ мы обязаны двумъ великимъ изобрѣтеніямъ: изобрѣтенію косвенныхъ налоговъ и изобрѣтенію государственныхъ займовъ.

Объ эти выдумки, при помощи которыхъ поддерживаются тиранніи, развращаются правительства и обирается простой народъ, происходятъ исторически отъ захвата земли, а объ онъ открыто попираютъ естественныя права человѣка. При феодальной системѣ большая часть общественныхъ расходовъ

¹⁾ „Соціалъ-Демократъ“, 15 апрѣля с. г.

²⁾ Надѣюсь въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ газеты „Единеніе“ — если нѣтъ — „правительство спасенія свободы“ не оковательно уничтожитъ у насъ свободу печати, — отвѣтить, какъ умѣю, на этотъ вопросъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я былъ бы глубоко благодаренъ тѣмъ пат. читателямъ, которые раздѣляютъ наложенную здѣсь основную точку зрѣнія, если бы они пожелали сообщить мнѣ свои мысли по этому поводу. Въ настоящее чрезвычайной важности и столь трудное для русскаго народа время, въ высшей степени желательно, чтобы тѣ изъ насъ, кто вѣритъ въ правду Божию, помогали другъ другу путемъ свободнаго обмѣна мыслей выяснять наиболѣе правильное отношеніе къ совершающимся вокругъ насъ событіямъ.

Адресъ мой: Книжный магазинъ „Посредникъ“, для Владимира Григорьевича Черткова, Петровскія Линіи, № 1. Москва.

покрывалась рентой съ земли, и на землевладѣльцахъ лежала обязанность вести войны или оплачивать ихъ стоимость. Если бы эта система сохранилась, то Англія, папримѣръ, въ настоящее время вовсе не имѣла бы государственнаго долга. И съ увѣренностью можно сказать, что страна эта и весь міръ были бы избавлены отъ тѣхъ ненужныхъ и жестокихъ войнъ, въ которыхъ за все это время проливалась кровь англичанъ и расточались ихъ средства. Но благодаря изобрѣтенію косвенныхъ налоговъ и государственныхъ займовъ, крупные землевладѣльцы получили возможность взыскивать на всю народную массу то бремя, нести которое было условіемъ ихъ владѣнія землей, и взыскивать такимъ образомъ, что тѣ, которые несутъ его, хотя и чувствуютъ себя отягощенными, не могутъ однако понять причинъ этого отягощенія. И такимъ образомъ владѣніе землею было предательски преобразовано изъ аренды у общества въ личную наслѣдственную собственность, и народная масса лишена была перваго и самаго важнаго изъ правъ человека.

Установленіе государственныхъ займовъ, подобно установленію частной собственности на землю, держится на ложномъ допущеніи, будто одно поколѣніе можетъ связывать обязательствами другое. Если бы какой-нибудь человекъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ: „Вотъ расписка, выданная вашимъ прадедомъ моему прадеду, по которой благоволите уплатить мнѣ назначенную сумму“, я засмѣялся бы въ отвѣтъ ему и сказалъ бы, что если ему требуется платежъ по этой распискѣ, то ему лучше было бы поискать человека, выдавшего ее, а что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до обѣщаній моего прадеда. А если бы онъ сталъ настаивать на платежѣ и сталъ обращать мое вниманіе на текстъ расписки, гдѣ мой прадедъ явно договаривался съ его прадедомъ, что именно я долженъ буду платить, то я только сталъ бы смѣяться еще болѣе и еще болѣе убѣждаться въ томъ, что имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. На такое требованіе всякій изъ насъ на самомъ дѣлѣ отвѣтилъ бы: „Мой прадедъ былъ, очевидно, плутъ или шутникъ, а вашъ, вѣроятно, дуракъ, и это качество его вы, безъ сомнѣнія, наслѣдовали, если надѣетесь, что я буду платить вамъ на томъ основаніи, что мой прадедъ обѣщалъ, будто я заплачу. Совершенно такъ же онъ могъ бы дать вашему прадеду вексель на Адама или чекъ съ оплатой въ Первомъ международномъ банкѣ на лунѣ“.

Однако на этомъ допущеніи, будто предки могутъ выдавать обязательства за потомковъ, будто одно поколѣніе можетъ законодательствовать для другого, держится признаніе обязательной силы за нашими земельными правами и государственными долгами...

Такимъ образомъ выдумка государственныхъ долговъ даетъ возможность тираніи прочно укрѣпиться, а проходившимъ, завладѣвающимъ властью,—пренебрегать народомъ. Она позволяетъ дѣлать огромные и расточительные расходы, заставляя молчать или даже дѣлая своими пособниками людей, которые иначе оказывали бы этимъ расходамъ самое энергичное и дѣйствительное сопротивленіе. Не будь у правителей возможности заключать государственные займы, и ни комъ образомъ не было бы начато и девяти десятыхъ гѣхъ войнъ, какія велись въ христіанскомъ мірѣ за два послѣднія столѣтія. Уничтоженіе богатства, пролитіе крови и страданія вдовъ, матерей и дѣтей, причиненныя такимъ образомъ, уже и сами по себѣ безмѣрно велики, а къ счету ихъ нужно еще прибавить опустошенія, потери и нравственную развращенность, причиняемые постоянными приготовлениями къ войнамъ.

Но съ расходами на войны и приготовлениями къ нимъ и съ тѣмъ развратомъ, какой поддерживается нашими огромными государственными расходами, еще не оканчиваются тѣ общественныя бѣдствія и развращенность правительствъ, которыя являются слѣдствіемъ невниманія и пренебреженія къ человѣческимъ правамъ, заключающагося въ признаніи государственныхъ долговъ. Страсти, возбуждаемыя войнами, племенная ненависть, благоговѣніе предъ военной славой, жажда побѣдъ или мщенія, заглушаютъ народную совѣсть, превращаютъ высшіе общественные инстинкты въ тотъ выродокъ низменнаго безразсуднаго себялюбія, который по недоразумѣнію называютъ патриотизмомъ, убиваютъ любовь къ свободѣ и доводятъ людей до подчиненія тиранамъ и насильникамъ изъ за дикаго желанія перерѣзать горло другимъ людямъ или изъ боязни, чтобы кто-нибудь имъ не перерѣзалъ горла. Онѣ такъ извращаютъ религіозное чувство людей, что признанные послѣдователи Христа благословляютъ отъ его имени принадлежности убійства и грабежа и воз-

носятъ благодаренія за побѣды, при которыхъ земля покрывается горами искалѣченныхъ труповъ и горечь наполняетъ сердца людей.

Генри Джорджъ.

Вы спрашиваете: необходима ли еще война между цивилизованными народами? Я отвѣчаю: не только „уже“ не необходима, но никогда не была необходима. Не иногда, но всегда она нарушала правильное историческое развитіе человечества, нарушала право, задерживала прогрессъ.

Если послѣдствія войны иногда и бывали выгодны для общей цивилизаціи, то вредныхъ послѣдствій было гораздо больше. Мы обманываемся потому, что только часть вредныхъ послѣдствій тотчасъ же очевидна. Большая часть ихъ, и самыхъ важныхъ, незамѣтна намъ. И потому мы не можемъ допустить слово „еще“. Допущеніе этого слова даетъ право защитникамъ войны утверждать, что споръ между нами есть дѣло только временнаго соотвѣтствія и личной оцѣнки, и разногласіе наше тогда сведется къ тому, что мы считаемъ войну безполезной, тогда какъ они считаютъ ее еще полезной. Они охотно согласятся съ нами, съ такой постановкой вопроса, и скажутъ, что война дѣйствительно можетъ сдѣлаться безполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче. Нынче же они считаютъ пужнымъ произвести надъ народомъ тѣ страшныя кровопусканія, называемыя войнами, которыя совершаются только для удовлетворенія личныхъ честолюбіи самаго малаго меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войнъ: власть, почести, богатства малаго числа людей въ ущербъ массамъ, естественное легковѣріе которыхъ и предразсудки, вызываемые и поддерживаемые этимъ меньшинствомъ, дѣлаютъ войны возможными.

Гастонъ Мохъ.

Разсказываютъ, будто въ какой-то странѣ существуетъ обычай, чтобы въ военное время правитель и его совѣтники, впредь до окончанія войны, спали на бочкѣ съ порохомъ, и притомъ въ отдѣльной комнатѣ дворца, заглянуть въ которую свободно можетъ каждый, желающій убѣдиться, что тамъ по ночамъ всякій разъ горитъ огонь. Бочка не только запечатана печатью народныхъ представителей, но и прикрѣплена къ полу ремнями, концы которыхъ, въ свою очередь, прочно припечатаны. Каждый вечеръ и каждое утро печати эти провѣряются.—Говорятъ, что войны давно уже прекратились въ этой странѣ.

Лихтенбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учитель.

(Изъ войны 1914—1917 г.г.)¹⁾.

Учитель онъ былъ во французскомъ селѣ.
Какъ дѣти ему были рѣды!
Настала война и позвали его
Враговъ убивать безъ пощады.

Но онъ не пошелъ. И сказалъ онъ въ отвѣтъ:
«Всѣ люди мнѣ—братья родные
«Всѣ міръ мнѣ—отчизна. Всѣ міръ мнѣ—семья.
«Всѣ жизни мнѣ—жизни святая.

«Враговъ? Я не знаю враговъ. У любви
«Враговъ не бываетъ на свѣтѣ.
«Всѣ люди—единого духа сыны,
«Всѣ—Бога любимыя дѣти».

И взяли его И вели чрезъ село,
Измѣнникомъ гнуснымъ ругая.
И пла али дѣти, далеко въ поляхъ.
Глазами его провожая.

Въ казармахъ потомъ истязали его...
Ружье все держать заставляли...
И ночью однажды изъ рукъ палачей
Ушелъ онъ въ туманныя дали.

¹⁾ О судьбѣ этого учителя французъ разсказано въ краткихъ чертахъ въ одномъ изъ выходящихъ въ Швейцаріи французскихъ журналовъ лѣтомъ 1916 года.

Но онъ не скрывался. Онъ въ школу свою
Открыто предъ всѣми явился,
И снова на славномъ, любимомъ посту
Онъ съ нѣжной любовью трудился.

И дѣти внимали съ восторгомъ живымъ
Разсказамъ ихъ друга и брата...
И сердце дрожало у нихъ, что его
Отнимутъ у нихъ безъ возврата.

И часъ тотъ пришелъ. И ворвались опять
Къ нимъ въ школу они со штыками:
«Ты здѣсь, дезертиръ, анархистъ, негодяй!»
«Проститесь мнѣ дайте съ дѣтьми!»

И было такое лицо у него,
Что даже они отступили.
И дѣти, рыдая, стѣною его,
Цѣлуя его, окружили.

«Послѣдній даю вамъ я, дѣти, завѣтъ:
«Любовью одною живите.
«Долой же войну! За одну лишь любовь
На муки и на смерть идите».

Коротокъ былъ судъ безпощадный надъ нимъ.
На завтра его разстрѣляли.
Предъ смертью убійцъ онъ одно лишь просилъ—
Глаза чтобъ ему не вязали.

Со взоромъ открытымъ онъ всталъ у стѣны.
«За братство людей умираю!»—
Онъ крикнулъ, и грянули ружья въ отвѣтъ,
И палъ онъ, въ крови истекая.

Гдѣ трупъ твой зарыли, тамъ этой весной
Цвѣты расцвѣли голубые.
Изъ крови пролитой, изъ крови святой
Надежды то блещутъ святые!

То новаго міра изъ крови твоей
Намъ первые всходы сияютъ!
Великаго братства, великой любви
Цвѣты въ насъ твои расцвѣтаютъ!

И. Горбуновъ Посадовъ.

4 іюля 1917 г.

Голосъ о смертной казни¹⁾.

Фронтъ событія послѣднихъ дней „привели“, какъ говорятъ и какъ пишутъ, къ необходимости „рѣшительныхъ мѣръ“. Всего лишь нѣсколько дней назадъ А. Ф. Керенскій заявилъ, какъ сообщили газеты, что онъ, какъ принципиальный противникъ смертной казни, не можетъ лично внести предложеніе о восстановленіи ея; 12-го же іюля это предложеніе было имъ, однако, внесено, и единогласно одобрено Временнымъ Правительствомъ. Послѣднее, какъ говорится въ его постановленіи, будучи вынуждено „принять чрезвычайныя мѣры для восстановленія въ рядахъ арміи порядка и дисциплины“, признало необходимымъ: 1) восстановить смертную казнь, установивъ ее, какъ высшее наказаніе, за нѣкоторыя тягчайшія преступленія (перечислено 20 преступленій, но такъ выраженныхъ, что подъ нихъ можно подвести не 20, а сотни отдѣльных „преступныхъ дѣяній“; вновь пушена въ дѣйствіе пресловутая, *всеобъемлющая* 279 ст. Воинск. Уст.); 2) учредить для немедленнаго сужденія за тѣ же преступленія *военно-революціонные* суды.

Итакъ забыты завѣты не только старыхъ мудрыхъ учителей человечества, но и непосредственныхъ учителей нашего времени, университетскихъ и академическихъ профессоровъ, неустанно и безъ колебаній, въ одинъ голосъ твердившихъ о безумной преступности, незаконности и безправственности отвратительнаго института смертной казни (воплъ Л. Н. Толстого: „Не могу молчать“, тщетные протесты Государственныхъ Думъ; и т. п.).

Скажутъ: есть оправданія. Нѣтъ, это неправда. Оправданій нѣтъ! И искать ихъ стыдно, позорно, унижительно.

Говорятъ: вѣдь мы за смертную казнь лишь для этой категоріи людей—категоріи „измѣнниковъ и предателей“, т. е. „шайки негодяевъ“. Но развѣ не тѣмъ же оправдывались сторонники смертной казни при царскомъ строе? Развѣ не безнравственно и не постыдно забывать, что и тѣ, кого

зовутъ самыми ужасными злодѣями и преступниками, тоже люди,—забывать—что жизнь цѣнность, на уничтоженіе которой не можетъ быть дано права никому!

Говорятъ: „крайняя необходимость! Спасеніе родины и свободы!“—Неужто свобода должна охраняться штыками темныхъ несчастныхъ людей, держащихъ штыкъ изъ одного лишь страха передъ разстрѣломъ? Развѣ можно требовать, чтобы „свобода“ охранялась *рабами*, людьми, лишенными основного права живого существа—права на жизнь?!

Еще говорятъ: „это не наше только мнѣніе, такова воля народа, или по крайней мѣрѣ—лучшей его части“. Но если признать безусловно святою и обязательной „волю народа“, то придется притти къ оправданію и народныхъ самосудовъ, творимыхъ лишь вслѣдствіе низкаго уровня развитія массъ. А если идти еще дальше, то, пожалуй, придется преклониться и передъ народной темнотою, его темными инстинктами.—Если же обосновать свое мнѣніе на солидарности съ нимъ „лучшей части народа“, то какой человекъ можетъ взять на себя смѣлость рѣшить, что вотъ эти сотни людей (хотя бы и такъ называемые „народные избранники“) —лучшія, а вотъ эти тысячи—худшія?

Въ наши дни забывается основное: въ каждомъ человѣкѣ есть и святое (на что да не посмѣетъ никто посягнуть), и темное, подлежащее искорененію путемъ развитія духовныхъ силъ и пробужденія высшаго сознанія.

Народъ и во гнѣвѣ бываетъ милостивъ. Этимъ и были особенно радостны первые, относительно, безкровные, дни переворота.

Приговоръ же къ смерти по суду, т. е. по трезвому размышленію нѣсколькихъ лицъ, и съ благословенія свыше (отъ царя ли, его сатрапа генералъ-губернатора, или же отъ „полномочнаго органа революціонной демократіи“—все едино)—всегда мерзокъ по своей хладнокровной жестокости и по вопіющему неправосудію. Смертная казнь по суду, или же—безъ суда, но съ благословенія высшей власти,—актъ преступнаго, злодѣйскаго, предумышленнаго убійства. Что можетъ быть гнуснѣе этого?—И тѣ, кто имѣютъ мужество стоять за называемое ими законнымъ умерщвленіе людей,—во первыхъ, должны столь же откровенно отречься отъ принципиальнаго отрицанія смертной казни; и во-вторыхъ, разъ они искренно убѣждены въ необходимости примѣненія казни (къ кому бы то ни было), они не имѣютъ отнынѣ права съ презрѣніемъ относиться къ несчастнымъ, заблудшимъ и низко падшимъ людямъ, которыхъ за ихъ ремесло клеймятъ палачами..

Очнитесь же! Подумайте, какое несмыслаемое пятно накладывается на Россію, свѣтлую въ своемъ удивительномъ освобожденіи отъ прежнихъ путъ, ужаснымъ новымъ актомъ ея революціоннаго правительства!

Для этого акта не можетъ быть найдено, повторяю, никакихъ оправданій. Онъ, этотъ актъ, можетъ послужить лишь опаснымъ прецедентомъ для восстановленія еще другихъ мѣропріятій и пріемовъ заклейменнаго отжившаго строя. Теперь восстановлена также и военно-полевая юстиція, воскресшая подъ эффектнымъ наименованіемъ „военно-революціонныхъ судовъ“. Эти суды, на какихъ бы демократическихъ началахъ они ни были созданы, несомнѣнно будутъ столь же звѣрскими и возмутительными, какъ и царскіе военно-полевые суды, цѣль которыхъ была душировать политическихъ противниковъ и невинныхъ жертвъ, случайно затертыхъ въ суетной политической борьбѣ. А вѣдь приговоры невоучрежденныхъ, такъ называемыхъ, „революціонныхъ“ судовъ не подлежатъ обжалованію, а подлежатъ, немедленному же выполненію...

Путь, на который стала теперь революціонная власть—путь скользкій. И мнѣ, относящемуся съ истиннымъ уваженіемъ къ лицамъ, несущимъ въ Россіи ужасное бремя новой власти, хочется крикнуть объ этомъ. Мой голосъ ничтоженъ и слабъ, но совѣсть не позволяетъ мнѣ не окликнуть съ предостереженіемъ людей, которые, какъ мнѣ видится, стали балансировать на шаткомъ мостикѣ, ведущемъ черезъ пропасть.

Мнѣ хочется крикнуть однимъ: Бога ради, не обагрите руки свои братской кровью, притомъ—кровью своихъ (ужасно сказать) жертвъ!

И хочется воззвать къ другимъ: Эй, вы, старые, принципиальные, горячіе противники умерщвленія людей по закону, возвысьте же свои голоса противъ допускаемаго въ свободной Россіи нарушенія всяческихъ законовъ!

Константинъ Шохоръ-Троцкий.

18 іюля 1917 г.

¹⁾ Приводимыя выдержки заимствованы изъ статьи, предназначенной для появленія въ одномъ изъ періодическихъ органовъ—*Ред.*

Нашъ долгъ передъ Толстымъ.

Статья крестьянина М. Новикова.

Михаилъ Петровичъ Новиковъ — крестьянинъ Тульской губернии, къ которому Левъ Николаевичъ за нѣсколько дней до ухода изъ Ясной Поляны обращался въ письмѣ съ просьбой дать пріютъ въ его избѣ. Новиковъ не успѣлъ отвѣтить на просьбу Толстого во-время, и тогда Л. Н. твердо рѣшивъ уйти изъ дома, избралъ другое направленіе.

Левъ Николаевичъ не только любилъ М. П. Новикова какъ друга и единомышленника, но и высоко цѣнилъ его литературныя способности, выразившіяся въ нѣсколькихъ талантливыхъ статьяхъ о народной жизни всегда въ связи съ горячо переживаемыми авторомъ событіями даннаго времени.

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что въ первые моменты настоящей великой революціи имя Толстого какъ бы стояло въ тѣни и казалось забытымъ среди горячей агитаціи, ведущейся интеллигентными двигателями революціи, мы, однако, можемъ указать и на то, что въ народной массѣ все сильнѣе и сильнѣе просыпается тяготѣніе къ идеаламъ Толстого, и за послѣднее время съ каждыиъ днемъ возрастаетъ огромный спросъ на его произведенія, который до сихъ поръ положительно неуклонно. Также и среди интеллигенціи съ большимъ удовлетвореніемъ замѣчаемъ мы все возрастающій спросъ на Толстого и интересъ къ тому: „что сказалъ бы Толстой теперь, если бы жилъ среди насъ?“.

В. Ч.

Въ переживаемые дни общей радости и пробужденія политическаго самосознанія русскаго народа, *) когда съ такимъ восторгомъ и триумфомъ встрѣчались и провожались политическіе дѣятели изъ мѣстъ ссылки и заключенія, а равно и заграничные эмигранты, какъ-то странно, что забыто совсѣмъ имя великаго писателя земли русскои Л. Н. Толстого, уста котораго до самой смерти не могли молчать и всегда говорили только одну правду, не считаясь ни съ какими запретами и цензурными стѣсненіями въ то время, какъ другіе литературные корифеи принуждены были скрывать свои мысли или заваливать ихъ въ длинныхъ статьяхъ и трактатахъ, не доступныхъ пониманію простымъ смертнымъ. А между тѣмъ съ самыхъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и по день своей смерти, 7 ноября 1910 г. Левъ Николаевичъ былъ самымъ мощнымъ колоколомъ, будившимъ чистымъ голосомъ своей религіозной правды совѣсть людей всего міра, къ которому чутко прислушивались во всѣхъ странахъ и не въ одной только Европѣ. И, если правда, что для простаго русскаго народа имя его было искусственно скрыто цензурными запрещеніями и даже облитомъ помоями церковнаго отлученія и всяческими нелѣпностями и баснями, на которыя были только способны церковныя и государственныя верхи съ Побѣдоносцевыми и Сипягиными во главѣ, то вѣдь для интеллигентнаго общества онъ не былъ скрытъ никакими каверзами стараго режима, и оно, русское общество, не могло не знать и не любить его. На немъ воспиталось не одно молодое поколѣніе! Какъ ни старались запрещать и гнать его писанія слуги стараго свѣта, которымъ всегда выгоденъ мракъ и духовная спячка подвластнаго народа, имъ все же никогда не удавалось вполнѣ закрыть своей темнотой свѣта его мыслей, и онѣ, какъ золото изъ грязи, все же свѣтили всѣмъ нуждающимся въ свѣтѣ и искавшимъ его. Какъ Сократъ для афинянъ, такъ и Толстой для русскаго общества былъ тѣмъ же самымъ оводомъ, жалившимъ его совѣсть и пробуждающимъ самыя вѣжныя и чуткія струны души при разрѣшеніи нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ личной и общественной жизни. Развѣ не онъ возвелъ нашу совѣсть на такую нравственную высоту, на которой она уже не мирилась ни съ какими тѣлесными наказаніями и смертнои казнью? И теперь, какъ только произошелъ этотъ внѣшній переворотъ, такъ напавъ общественная совѣсть властно требовала отъ насъ ея, этихъ пережитковъ варварскаго возмездія. Вѣдь революціи были и въ Англіи и во Франціи, въ Турціи и въ Китаѣ, но тамъ не было Толстого, и смертная казнь послѣ переворотовъ не только не прекращалась, но даже усиливалась. Развѣ не онъ громко и властно осуждалъ всѣ насилія и жестокости правительства по отношенію къ политическимъ и религіознымъ преступникамъ. Развѣ не онъ писалъ Александру III, прося отъ насъ приговора смертнои казни для Желябова, Перовской и другихъ? Развѣ не онъ

безбоязненно просилъ министровъ и царя судить и наказывать его, Льва Толстого, какъ главнаго виновника „преступленій“ его единомышленниковъ, ссылаемыхъ и сажаемыхъ въ тюрьмы? Развѣ не онъ властно и громко обличалъ старое фарисейство церковно-обрядовой вѣры, которая тысячу лѣтъ удерживаетъ въ тискахъ человѣческія души въ ихъ стремленіи отъ земли къ небу, отъ неподвижной лицемѣрной праведности къ живому Богу любви и милосердія? Развѣ не онъ звалъ насъ искать царство Божіе не гдѣ-то и когда-то, не на томъ свѣтѣ, а здѣсь, сейчасъ, внутри насъ, въ очищенной и возвышенной любви и братской жизни? Развѣ не онъ, наконецъ, написалъ „Воскресеніе“, въ которомъ осудилъ страшный грѣхъ землевладѣнія и которымъ заставилъ спесивое дворянское барство пересмотрѣть свою культуртрегерскую дѣятельность по отношенію къ рабочему народу и признать его равноправіе на всѣ блага жизни и самую жизнь?..

И вотъ повторяю, какъ-то, странно, что въ такое время, когда люди получили возможность говорить и писать безбоязненно, никому изъ этой передовой интеллигенціи не придетъ мысль вспомнить это великое имя съ благодарностью и благоговѣніемъ... То, что Толстой былъ самымъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ старому режиму и его слугамъ, это знаетъ всякій образованный человѣкъ. И насколько мнѣ извѣстно, никакая революціонная литература не преслѣдовалась и не запрещалась такъ сурово и беспощадно, какъ его писанія религіознаго содержанія. И чѣмъ яснѣе и ярче выступала въ нихъ правда христіанскаго жизнепониманія, тѣмъ они были ненавистнѣе для охранителей стараго порядка.

А между тѣмъ кто же не знаетъ того положенія, что Толстой не призывалъ къ борьбѣ съ правительствомъ, не призывалъ ни свергать его, ни устанавливать другой строй съ той или иной конституціей, а звалъ лишь всѣхъ жить по божьи, звалъ разобраться въ исповѣдуемомъ нами евангельскомъ ученіи и въ немъ найти непосредственныя отвѣты на запросы человѣческой души—въ служеніи Богу и ближнему—помимо всякихъ догматическихъ измышленій казенной вѣры съ ея внѣшне-обрядовыми надстройками культа?! И за такую-то добрую и возвышенную проповѣдь онъ все же считался слугами стараго режима тяжкимъ преступникомъ, болѣе тяжкимъ, чѣмъ самыя крайніе революціонные дѣятели. И, однако, все это очень понятно и ясно.

Старому правительству не были страшны революціонныя пропагандисты, активно борившіеся съ нимъ и призывавшіе къ его сверженію, такъ какъ оно, чувствуя свою внѣшнюю силу, знало, что съ ними дѣлать: висѣлицы, ссылки и заточенія не смущали совѣсть правителей, и они ни мало не скупились на нихъ по отношенію къ революціонерамъ: „они насъ, а мы ихъ“, „око за око, зубъ за зубъ“ — философія понятная.

Совсѣмъ другое дѣло, когда передъ судилищами ихъ являлись „преступники“ съ Евангеліемъ въ рукахъ и въ сердцахъ, ни за что не хотѣвшіе быть его слугами и преступниками закона Божьяго. Ихъ тоже ссылали, заточали, держали по 20 лѣтъ въ Суздальской крѣпости, какъ старообрядческихъ архіереевъ, держали въ сумасшедшихъ домахъ десятками лѣтъ (Малеваннаго), разсылали по горнымъ ущельямъ Закавказья (духоборовъ) и т. д. Но дѣйствуя такъ, они, правители, не могли заражаться пыломъ борьбы, и поневолѣ на ихъ совѣсти оставался горькій осадокъ стыда. Учитель Дрожжинъ, крестьяне-солдаты Ольховикъ, Суворовъ, Сикснѣ и сотни другихъ заключенныхъ по тюрьмамъ и дисциплинарнымъ батальонамъ, страдавшихъ и умиравшихъ за исповѣданіе своей вѣры, не забывались правительствомъ такъ скоро, какъ забывались казенныя ими революціонеры.

„Лежачаго не бьютъ“, говоритъ русская поговорка, а они были этихъ лежачихъ, но и сами чувствовали безсиліе и безстыдство этого боя.

Въ 1893—97 гг., будучи на военной службѣ и зная по службѣ объ огромной многомилліонной смѣтѣ на предстоящіе тогда коронаціонныя расходы въ 1896 г., я, какъ расчетливый крестьянинъ, возмущался этими расходами, осуждалъ ихъ въ письмахъ къ роднымъ и знакомымъ и за это попалъ въ передѣлку военныхъ и жандармскихъ властей, кончившуюся сперва разжалованіемъ и высылкой въ Варшаву по приказу Ванновскаго, а послѣ коронаціи—въ Тургайскую область, гдѣ, какъ говорили мнѣ въ Казани, „нѣтъ никакой политики“. Но не въ этомъ дѣло,—мнѣ хочется лишь сказать коротко о томъ, какъ въ мое это незначительное „дѣло“ былъ впутанъ Л. Н. Толстой и какъ на всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ допросахъ у разнаго начальства Москвы, Варшавы, Нижняго, Оренбурга, Казани и другихъ

*) Статья эта написана въ началѣ переворота. — Ред.

маленьких этапов на этом дальнем пути выходило как-то так, что я был только подставное лицо, а во всем судился и обвинялся въ моемъ лицѣ Л. Н. Толстой. Точно сговорясь, начальство въ этихъ городахъ злорадно издѣвалось надъ нимъ и въ одинъ голосъ говорило, что „вашего сумасшедшаго Толстого слѣдовало бы выпороть розгами и посадить на цѣпь, чтобы онъ не распложалъ безбожниковъ и сумасшедшихъ“. Разница была лишь въ опредѣленіи ударовъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы подвергнуть Толстого и насъ, послѣдователей его ученія. Въ Москвѣ, напримѣръ, ему сулили „всыпать горячихъ“ 50 ударовъ, а мнѣ 25, въ Варшавѣ повысили до 100 ему, и 50 мнѣ. А въ Тургайской области пьяный комендантъ маленькаго укрѣпленія, гдѣ по приказу Ванновскаго я долженъ былъ кончать рядовымъ свою службу, сотни разъ твердилъ передъ ротой солдатъ, что сумасшедшему Толстому надо бы всыпать 200 горячихъ, а мнѣ и другимъ его почитателямъ по 100. Тогда бы, по его мнѣнію, перевелись въ Россіи всѣ бунтовщики и социалисты, и вступилъ бы порядокъ. Но кромѣ такихъ однородныхъ сужденій о Толстомъ, какъ о сумасшедшемъ, было и умное начальство, которое во время разныхъ допросовъ снисходило чуть ли не до дружескихъ бесѣдъ со мной и высказывало о немъ свои сокровенныя мысли.

— Н-да, вашъ Толстой мудрецъ, философъ, и пускай бы какъ хотѣлъ мудрствовалъ, а зачѣмъ онъ насъ-то своей особою мучить?—спрашивалъ меня генералъ графъ Б. при первомъ допросѣ въ Москвѣ.—Мы святыхъ людей и сами любимъ, а только намъ и святые повиноваться должны, а онъ неповиновеніе проповѣдуетъ.

На мое возраженіе, что Толстой не только никого не мучитъ, но и другихъ призываетъ не участвовать ни въ какомъ мучительствѣ и насиліи, графъ вспылѣлъ.

— Какъ не мучить! Сулержицкій не мучить? Дрожжинъ не мучить? Духоборы, штундисты не мучать? Вотъ этотъ солдатъ Новиковъ не мучить?—ткнулъ онъ меня пальцемъ, заикаясь отъ раздраженія.—Что намъ прикажете дѣлать со всякой такой дрянью? Повѣсить—не знаю за что, въ тюрьмахъ держать—Толстой рычитъ на весь свѣтъ да и сами вы того не стоите, а гулять васъ нельзя отпустить. Тотъ, видите ли, присяги не признаетъ, тотъ отъ винтовки отказывается—саркастически улыбаясь и дѣлая реверансы въ мою сторону, перечислялъ генералъ,—тотъ стрѣлять отказывается, а вотъ сей солдатнишко недоволенъ коронаціей! У него не спросили расходы дѣлать, по его царь-то долженъ былъ пѣшкомъ въ Москву идти! Скоты!—выругался онъ. Попалъ бы ты въ Туркестанскій округъ, тебя бы тамъ на заборѣ повѣсили, а тутъ съ вами головы ломаютъ, Толстого тѣпать... мерзавцы!

— Толстой вапъ—большая умница,—говорилъ мнѣ другой генералъ въ Варшавѣ, фамиліи котораго не помню,—а только нехорошо, что онъ насъ, людей, отводитъ и въ какое-то другое царство ведетъ. Можетъ быть, его царство и лучше, а только люди-то намъ для нашего царства нужны, и мы никакъ ихъ отдать ему не можемъ.

— Толстой вѣрующій человекъ, это безспорно,—говорилъ мнѣ протоіерей, академикъ Ковальницкій, къ которому въ Варшавѣ начальство посылало меня для увѣщанія,—а только онъ другими дорогами къ Богу идетъ. Шелъ бы съ нами вмѣстѣ—мы бы его оберъ-прокуроромъ синода поставили. А такъ онъ что? Только рычитъ и бунтуетъ, не можетъ же въ самомъ дѣлѣ церковь его тропинкой пойти? Намъ нужны большія дороги, торныя, какъ миллионы вѣсти, а на его тропинкѣ и гуськомъ запутаешься. Безспорно—ближе, только не всѣмъ доступно. Онъ кумиры отвергаетъ, а безъ нихъ какъ же вѣру утвердить? Народъ—Оома невѣрный, не увидитъ, не пощупаетъ,—и вѣрить не будетъ. А что будетъ съ нимъ, если онъ вѣры лишится? Звѣрь онъ!..

— Гм... „насилъники“! Они насъ, братцы, насилъниками почитаютъ,—философствовали пьяный комендантъ крѣпости передъ ротой солдатъ, тыча кулакомъ мнѣ подъ носъ.—Мерзавцы вотъ эти! Ну, сколько ихъ всѣхъ-то на Руси?—спрашивалъ онъ солдатъ, вытянувшихся въ струнку.—Ну, сколько? Ну, наберется тысячь десять, а насъ-то, насъ-то во сколько,—развелъ онъ руками въ сторону,—вѣдь если бы мы захотѣли, мы бы васъ въ порошокъ истерли!—показывалъ онъ на ладонь солдатамъ, сжимая кулаки.—А мы ихъ терпимъ, всякую сволочь терпимъ, а они насъ: „насилъники“! Толстой-то ихній! Дуракъ онъ, братцы, скотина! „Такъ-точно!“—гремѣла рота въ отвѣтъ, и дуракъ и скотина, все вмѣстѣ!

Отказываясь на допросѣ формально признавать себя православнымъ и раздражая этимъ жандармскаго подполковника, между прочимъ, недоумѣвая, зачѣмъ имъ такъ нужно опре-

дѣлать мою вѣру, я вызвалъ его на такую запальчивую тираду: „А чортъ васъ знаетъ, вы съ Толстымъ, пожалуй, такое придумаете, что и начальства не нужно, а ужъ этого совсѣмъ не допустимъ, потому что безъ начальства люди никогда не жили и жить не умѣютъ. Про Бога думай, какъ знаешь, а начальства не трожь, иначе въ Туруханскѣ и для тебя мѣсто найдется!“

А въ 1902 г., попавши въ распоряженіе департамента полиціи, при покойномъ Плеве, за докладную записку въ комитетъ по выясненію нуждъ сельско-хозяйственной промышленности (учрежденный тогда министръ Витте) и будучи снова тягаемъ по разнымъ допросамъ, я опять подвергался не столько допросамъ по существу дѣла, сколько частнымъ разспросамъ о Л. Н.-чѣ. Опять выходило, что больше виновать онъ, Толстой, заставляя страдать по тюрьмамъ „неопытныхъ и довѣрчивыхъ“ людей.

— Христось самъ шелъ на крестъ, а вашъ Толстой дураковъ посылаетъ,—говорилъ мнѣ наставительно старенькій генералъ въ департаментѣ полиціи, сильно похожій на убитаго Сипягина,—ты хоть святымъ будь, а въ министры не попадешь, а Толстой завтра имъ будетъ, если захочетъ. Какой же онъ вамъ братъ? Какъ ты съ нимъ не якшайся, а все онъ тебѣ не ровня. Его Побѣдоносцевъ не могъ въ тюрьму посадить, а ты не успѣлъ слова сказать, и у насъ очутился. Пойдешь въ Сибирь—Толстой тебя не защититъ, понапрасну ты къ нему льнешь.

На мое возраженіе, при чемъ тутъ Толстой, разъ о немъ въ докладной запискѣ не упоминается, старичокъ этотъ съ видомъ знатока покровительственно сказалъ:

— Да ужъ ты намъ не рассказывай басни: кабы не былъ съ нимъ знакомъ и въ тюрьмѣ бы не былъ, а то ужъ по второму разу у насъ, теперь подальше Тургайской области угоднѣе.

Въ это время допрашивавшій меня жандармскій подполковникъ, найдя въ отобранныхъ у меня при обыскѣ письмахъ опасное мѣсто, поставилъ мнѣ такой вопросъ:

— Вотъ здѣсь докторъ Архангельскій сомнѣвается, чтобы васъ удовлетворила трудовая крестьянская жизнь, онъ увѣренъ, что вы вскорѣ также пойдете по общей дорогѣ служенія своему ближнему. Что это за служеніе: дѣлать революцію, битъ начальство?

— Ну, ужъ вы это оставьте,—сказалъ прохаживавшійся по комнатѣ чиновникъ съ академическимъ значкомъ, называя жандарма по имени и отчеству,—Толстой на революцію не зоветъ и террористовъ не хвалитъ, они,—кинулъ въ мою сторону,—вообще этимъ не занимаются.

— Хуже того,—понижая голосъ,—быстро сказалъ генералъ,—они насъ не признаютъ: ихъ учитель особое царство проповѣдуетъ; мы, дескать, не отъ міра сего и намъ никакое начальство не нужно. Что прикажете дѣлать—со службы уходить?

— Это другое дѣло, ваше превосходительство,—уклончиво сказалъ чиновникъ,—я по вопросу говорю. Здѣсь ясно подразумевается нравственное служеніе ближнему, а не борьба политическая.

— И мы это поощряемъ,—засмѣялся генералъ,—а только зачѣмъ онъ Александра II душегубомъ обзываетъ,—кинулъ онъ на меня,—онъ здѣсь шипитъ,—указалъ онъ на мою записку,—что ихъ правительство выкупными платежами какъ мертвой петлей удавило, и будто все это намѣренно, чтобы они до-сыта хлѣба не ѣли...

— Объ этомъ не спорю, это уже уголовное преступленіе, наказуемое извѣстной статьей,—поправился чиновникъ,—но и въ этомъ, по-моему, выражена чисто крестьянская идеологія, а никакъ не толстовская...

— Неправда, неправда,—перебилъ его полковникъ,—Толстой на каждомъ шагу объ этомъ кричитъ, у него отъ урядника до царя всѣ сговорились народъ обманывать, это его мысли, только въ болѣе рѣзкомъ, крестьянскомъ выраженіи.

— Я съ вами совершенно согласенъ,—покровительственно заявилъ старикъ генералъ, обращаясь къ полковнику,—это толстовская исторія. Это онъ присылаетъ намъ такихъ мужиковъ изъ комитетовъ. Безъ него они сидѣли бы по своимъ конурамъ со своими мыслями.

И не стѣняясь моего присутствія, начальство пустилось въ отвлеченный споръ о значеніи толстовской философіи для ихъ государственнаго строя, запомнить который дословно я, разумѣется, не имѣю никакой возможности, но общій смыслъ котораго, однако, сводился къ тому, что „толстовщина“ для нихъ гораздо непріятнѣе социализма, такъ какъ она не борется съ ними, какъ социалисты, а просто не признаетъ, игнорируетъ ихъ, почему ее и нельзя одолѣть, какъ революціонеровъ.

Так говорили и думали о Толстом на верхах власти. А здесь, в низах, в гущу народной жизни, в урядники, в становые, в миссионеры, жандармы и земские начальники, которые в продолжение многих лет настойчиво убъждали меня разными угрозами вернуться в мою старую казенную вѣру, эти, точно сговорясь, не находили достаточно бранных и позорных словъ, которыми они в моемъ присутствіи старались грязнить передо мной его великое имя.

Имена Плеханова, Кропоткина, Лаврова, Каутскаго и т. п. ихъ не пугали, потому что не мѣшали ихъ матеріальному благополучію. Толстой же стоялъ передъ ними во весь свой ростъ, и своимъ обличеніемъ ихъ самихъ, ихъ праздной жизни, своимъ призывомъ въ праведной жизни всего человечества онъ вытаскивалъ изъ ихъ фундамента камень за камнемъ, которые имъ нечѣмъ было замѣнить. И чувствуя свое передъ нимъ безсиліе, они только шипѣли и анафематствовали по его адресу. И теперь, когда цалъ этотъ старый, приказный строй, мы не будемъ смѣть называться свободными гражданами, если теперь же не отдадимъ должное его имени. Мы должны знать, что въ строительствѣ новой свободной жизни Толстой намъ будетъ нуженъ въ первую голову, на немъ мы будемъ созидать наши лучшіе моральные устои жизни, и потому мы обязаны по долгу свободныхъ гражданъ воскресить передъ собою это дорогое намъ и великое имя съ благодарностью и благоговѣніемъ, — счастливые сознаніемъ, что мы были современниками его.

Крестыяннъ М. Новиковъ.

Тульской губ.,
с. Боровково.

Обмѣнъ мыслей.

(Изъ частныхъ писемъ).

Мы тутъ, изъ нашей глуши, съ глубокимъ интересомъ слѣдимъ за современными событіями. Въ томъ, что эта революція была сравнительно мирнаго характера, мнѣ думается, отчасти сказалося вліяніе Льва Николаевича. Несомнѣнно, что никто не сдѣлалъ столько для истинной революціи, какъ онъ. Лао-Тзе. говоритъ: „Кто высоко добродѣтеленъ, тотъ какъ будто недобродѣтеленъ. Истинная добродѣтель не представляется добродѣтью, поэтому она добродѣтель. Неистинная добродѣтель представляется безупречною добродѣтью, поэтому она не добродѣтель“. Перефразируя эту мысль, можно было бы сказать: „Истинная революціонность (т. е. ученіе, дѣйствительно разрушающее существующій несправедливый строй) не представляется (людямъ) революціонностью, поэтому она революціонность. Неистинная революціонность (убійства и всякія насилія) представляются (людямъ) несомнѣнно революціонностью, поэтому она — не революціонность“.

Еще вспоминаются замѣчательныя слова А. Балу, что если бы людей, соблюдающихъ заповѣди непротивленія, было только малое меньшинство, они испытывали бы презрѣніе міра, но „міръ, между тѣмъ, самъ того не чувствуя и не будучи за то благодаренъ, постоянно становился бы мудрѣе и лучше отъ этого тайнаго воздѣйствія“. Такъ и было со Л. Н-чемъ. Какъ ни глумились и ни поносили его общественные дѣятели при жизни и даже послѣ смерти, все же, несомнѣнно, всѣ эти политическіе дѣятели испытывали на себѣ вліяніе Л. Н-ча и становились отъ того лучше.

Но за будущее я начинаю уже опасаться. Если тѣ, кто составляетъ большинство такъ называемыхъ революціонныхъ и социалистическихъ партій, вступая на путь насилія, то сразу же начнется и реакція. Кромѣ того, здѣсь у насъ (и навѣрное по всей Россіи) мужики только о томъ и говорятъ, чтобы „дѣлать“ господскую землю. Эти ожиданія всеобщія, и ждутъ, что это будетъ не позднѣе лѣта. А Крестьянскій Союзъ объявилъ, что вопросъ о землѣ рѣшить Учредительное Собраніе. Но хватить ли мудрости у нихъ рѣшить практически этотъ сложнѣйшій и труднѣйшій вопросъ? Запереть Николая II въ Царскомъ Селѣ нетрудно; такъ же нетрудно и громить помѣщичьи усадьбы, что уже началось, но рѣшить земельный вопросъ такъ, чтобы не обидѣть никого и всѣхъ удовлетворить, очень трудно. Всѣ социалистическіе проекты дѣлежа земли на томъ или другомъ основаніи — дѣтскія мечты, которыя разлетятся впрахъ при первой попыткѣ ихъ практическаго осуществленія и поведутъ только къ междоусобицѣмъ и недовольству. А до проекта Генри Джорджа, единственнаго разумнаго и практически осуществимаго, всѣ эти „партіи“ не додумаются, потому что въ своемъ высокомеріи считаютъ его „буржуазнымъ“. Умѣренныя же „кадетскія“ реформы не удовлетворятъ народъ.

Н. Н. Гусевъ.

17 марта 1917 г.

Я вообще все меньше и меньше жду отъ нашей революціи. Первый порывъ воодушевленія теперь, мнѣ кажется, смѣнился всеобщимъ или почти всеобщимъ стремленіемъ извлечь для себя больше всего выгодъ. Сомнѣваюсь, чтобы это привело къ истинно справедливому переустройству жизни.

Относительно войны, мнѣ кажется, намъ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что протестовать противъ нея можно только съ точки зрѣнія грѣха всякаго убійства и насилія вообще. Признаніе грѣховности всякаго убійства, это такая скала, о которую, какъ утлая лодочки, разобьются всѣ приводимыя кѣмъ бы то ни было софизмы въ пользу нравственной допустимости этой, какъ и всякой другой, войны. Сдавши же эту крѣпость, рѣшительно не на чемъ держаться. Всѣ крики: „Долой войну!“ по соображеніямъ экономическимъ, политическимъ, социалистическимъ и

всякимъ другимъ, имѣютъ столько же оснований, какъ и крикъ: „война до побѣднаго конца!“ — по тѣмъ же основаніямъ. Только область нравственныхъ законовъ, слѣдованія голосу Бога, слышимаго нами въ нашей душѣ, только эта область совершенно внѣ возможности нападеній на нее извнѣ. Съ материалистической же точки зрѣнія, если допустить, что цѣною жизни или хотя бы одной человѣческой жизни можетъ быть достигнуто благополучіе людей, очевидно можно безъ конца приводить доводы, одинаково убѣдительные, какъ за, такъ и противъ войны.

Вотъ почему мнѣ кажется, что сотрудничество въ большевистскихъ органахъ, протестующихъ противъ войны внѣшней, но проповѣдующихъ войну внутреннюю, нехорошо и ошибочно. Думаю, что Л. Н. никакъ не одобрилъ бы этого. Въ 1906 году П. И. Бирюковъ просилъ его дать въ „Былое“ его письмо къ Александру III по поводу 1 марта. Л. Н. сначала, не зная, что это за журналъ, согласился; но потомъ, когда ознакомился съ вышедшими двумя его книжками, написалъ Бирюкову: „Получилъ сейчасъ февральскій № журнала „Былое“ и ужаснулся при мысли, что вы и я можемъ прямо или косвенно участвовать въ этомъ журналѣ, возводящемъ убійство въ подвигъ и добродѣтель. Прямо больно и жалко людей“.

Думаю, что такъ же несочувственно отнесся бы онъ къ сотрудничеству съ „большевиками“.

Въ единеніи — сила; но когда единеніе покупается цѣною компромисса, когда забывается различіе въ самыхъ основахъ, то единеніе это только кажущееся и только вредитъ дѣлу истины.

Н. Н. Г.

12 июня 1917 г.

На дняхъ я получилъ вашъ № 4 журнала „Единеніе“¹⁾, за что васъ сердечно благодарю. По прочтеніи я остался очень доволенъ его содержаніемъ и радуюсь тому, что теперь выходитъ въ свѣтъ журналъ, который зоветъ людей къ измѣненію жизни не посредствомъ насилія, а посредствомъ свободной мысли, при свѣтѣ разума и любви. Теперь людямъ очень нужно разъясненіе смысла жизни, такъ какъ они находятся въ несчастномъ положеніи. Они видятъ, что имъ плохо, но отчего — многіе изъ нихъ не знаютъ; они не знаютъ, что причина ихъ страданія въ нихъ самихъ; они страдаютъ оттого, что живутъ противно своей духовной природѣ, въ которой и заключается сущность человѣка; они идутъ противъ самихъ себя, а только это и дѣлаетъ человѣка несчастнымъ. Поэтому-то очень нужно, а особенно теперь, разъяснить людямъ, чтобы они не искали счастья во внѣшности, а что оно внутри ихъ. Даже намъ, сознавшимъ уже причину нашего счастья и несчастья, такой журналъ болѣе, чѣмъ необходимъ, такъ какъ въ немъ мы найдемъ мысли способныя толкнуть впередъ и нашу мысль и затронуть наше чувство, чѣмъ и будетъ обновляться и исправляться жизнь. Вѣдь жизнь не можетъ оставаться въ застывшей формѣ, она должна постоянно двигаться впередъ. Для христіанина нѣтъ такой остановки, на которой онъ сказалъ бы: довольно. Нѣтъ, онъ не только не долженъ останавливаться, но онъ и не можетъ, такъ какъ въ стремленіи къ совершенству онъ находитъ свое благо. Хотя наши тѣла и освобождены теперь изъ тюрьмы, и хотя народу дана внѣшняя свобода, но люди все въ томъ же положеніи. Передъ нами, какъ и тогда, стоитъ вопросъ: какъ жить, или что дѣлать? и отъ разрѣшенія котораго зависитъ не только его благо, но и благо всего человечества. Вотъ почему я и радуюсь выходу такого журнала и думаю, что радуются всѣ люди, способные мыслить.

Крестыяннъ А. И.

28 апр. 1917 г.

Опишу вамъ мелькомъ, какъ живутъ въ деревнѣ. Жизнь тоже незавидная. Хлѣба и прочихъ съѣстныхъ предметовъ такъ же, какъ и въ Москвѣ, нѣтъ. За хлѣбомъ ѣздить на лошадахъ верстъ за 200 и хорошо бы хотя съѣздить такъ далеко, да былъ хлѣбъ. А то часто прѣзжаютъ безъ хлѣба. Тамъ, куда ѣздить, они хлѣба находятъ рублей по 7 пудъ, но по дорогѣ домой, на границѣ Тульской и Калужской губ., если не сумѣютъ украдкой проѣхать, то по распоряженію Одолевскаго комитета у нихъ отбираютъ по 2 р. 50 к. (а покупаютъ по семи). Плачутъ, просятъ, но нѣтъ никакой милости. На мѣсяцъ, иногда и больше, на каждого человѣка выдаютъ 2 съ половиною фунта. При отборкѣ комитетскими хлѣба были случаи убійства. Теперь нѣкоторые деревни собираются подвѣть по 50, ѣдутъ такимъ количествомъ съ тѣмъ, что если будутъ отбирать, то во что бы то ни стало не отдавать, говорятъ: пусть убиваютъ, все равно съ голоду умирать. Наши, т. е. домашніе ѣздили еще подѣ Николу (9 мая). Теперь тоже очень мало, до новины не хватитъ. Теперь почти у всѣхъ и деньги есть, да нечего ѣсть. Мнѣ часто является на мысль сказка объ Иванѣ Дуракѣ, гдѣ сказано, что они золотыхъ штукѣкъ набрались, но что ими дѣлать? Такъ и теперь мужички набрались нарядныхъ бумажекъ, но что ими дѣлать? Вотъ такова у насъ жизнь. Плачутъ, стонутъ, сами на себя арканъ надѣли и рвутся и мечутся, вмѣсто того, чтобы остановиться, осмотрѣться и свободно скинуть. Теперь опять, если война не прекратится, то будетъ монополія хлѣба, поотберутъ для войска, а народъ еще болѣе будетъ страдать.

В. Г.

20 июня 1917 г.

Въ деревню я опять попалъ кстати. — Тамъ... «у Казбека съ Шатъ-Гороу шелъ великій споръ», уже затѣвался насильственный захватъ арендныхъ земель отъ богатыхъ крестьянъ-арендаторовъ. Починъ взялъ на себя мѣстный исполнительный комитетъ: вызвалъ на сходъ арендаторовъ и объявилъ имъ свое рѣшеніе, что землю онъ отбираетъ для распределенія ея по наличнымъ душамъ. Арендаторы запротестовали, особенно малосемейные: «У насъ машины, лошади, сѣмена, а у тѣхъ ничего — какъ же равнять землю? На чемъ будетъ пахать онъ ее?» Заспорили, закричали, переругались и озлобленные разошлись. На другой день арендаторы уѣхали въ В. и вмѣстѣ съ владѣльцами земли побывали у комиссара и въ губернскомъ комитетѣ; тамъ ихъ успокоили: отнять землю не могутъ. Они вернулись ликующими. Тогда взволновались члены комитета и вся малоземельная бѣдность, и часть изъ нихъ бросилась туда же, въ В., но тамъ ихъ захватное намѣреніе не было одобрено. Возвратясь домой, они снова собрали сходъ и «добромъ» требовали отъ

¹⁾ Нашъ прежній журналъ, который въ дальнѣйшемъ будетъ выходить не періодическими сборниками. — Ред.

арендаторовъ уступки земли для малоземельныхъ. Тонъ при переговорахъ былъ взятъ требовательный, и дѣло окончилось сугубымъ озлобленіемъ. Бѣдняки кричали, что земля имъ не нужна, а нужны спички, чтобы поджигать урожай богачей, а тѣ отвѣчали, что будутъ сажать ихъ на вилы и бросать живьемъ въ огонь. На второй день послѣ этого члены комитета нарядили посла за мной; они вѣрили, что я пойду навстрѣчу ихъ желаніямъ и спорить о землѣ не стану, а на меня глядя, можетъ быть, пойдутъ на уступки и крестьяне-арендаторы. На этомъ мѣстѣ я и прорвался, какъ говорится въ сказкахъ.

Все это рассказали мнѣ члены исполнительнаго комитета, собравшись у меня на хуторѣ сейчасъ же по моему приѣздѣ. Не откладывая дѣла, я собралъ своихъ съемщиковъ-крестьянъ (для себя я сѣю тамъ только 3 дес.) и заручился ихъ согласіемъ на добровольную убабку земли. На второй день члены исп. комитета собрали сходъ изъ трехъ деревень (95 дворовъ) опять по тому же земельному вопросу и пригласили меня. Подходя къ народу, я издали уловилъ и почувствовалъ доверчивую встрѣчу, и меня охватилъ священный трепетъ: «Не мнѣ имъ совѣтъ бы давать, а милости просить бы у нихъ» — промелькнуло въ моей головѣ, но послышались привѣтливые голоса — и словно ангельскія крылья подхватили меня и поставили среди народа. Я говорилъ имъ о рухнушемъ безправіи, разъяснялъ благо свободы для человѣка, призывалъ къ покаянію, къ милосердію — и сходъ слушалъ меня, словно позабывъ о землѣ. «Друзья мои, будьте же и вы милосердны, уступите земли неимущимъ!» «Уступимъ, уступимъ!» дружно раздалось въ отвѣтъ. Тогда я предложилъ сдѣлать два списка: одинъ отъ арендаторовъ — сколько они могутъ уступить земли, другой отъ неимущихъ — сколько тѣмъ требуется. Сдѣлали, сличили — точь-въ-точь какъ въ бухгалтерскихъ отчетахъ, сколько въ активѣ, столько же и въ пассивѣ, цифры однѣ и тѣ же. Такое легкое рѣшеніе столь трудной земельной «проблемы» всѣхъ удивило и обрадовало. Такъ удачно, такъ радостно было мое первое выступленіе въ земельномъ вопросѣ.

Конечно, не одно мое краснорѣчіе подѣйствовало на слушателей. Для посѣва добра нужна хорошо подготовленная почва: добрая, искренняя отношенія въ прошломъ; они у меня были, и когда я сходъ поставилъ вопросъ о доврѣи и услышалъ гулкій отвѣтъ: «Вѣримъ! Просимъ говорить!» — у меня выросли крылья.

М. Ч.

13 Іюня 1917 г.

За книги вамъ очень благодаренъ. Сначала я хотѣлъ раздать книги народу и солдатамъ бесплатно, но я подумалъ, что если (хотя и дешево) отдавать книги за плату, то возьметъ тотъ, кто болѣе въ нихъ нуждается. И вотъ вчера, въ первый день Троицы, я расположился съ книгами около одного трактира на улицѣ, по которой проходила масса гуляющего народа.

Меня сразу же осаждали «покупатели» — рабочіе, солдаты, бабы и дѣти, и въ какой-нибудь часъ я распродалъ 70—80 книжекъ. Я никогда не торговалъ, незнакомъ практически съ этимъ дѣломъ, но мнѣ показалось, что велика у народа жажда просвѣщенія. И еще какъ мало мы, взявшіеся поставлять духовную пищу, даемъ ему ея!

...У меня есть желаніе сказать вамъ свои личныя переживанія. Живешь на землѣ съ людьми, трешься, толкаешь другъ друга, слышишь ихъ страданія, видишь ихъ мученія и сознаешь, кто и отъ чего страдаютъ и жизнь свою проклинаятъ... такъ какъ она имъ приноситъ страданія, а желаютъ они себѣ хорошей жизни... И вотъ, иногда надъ людьми задумаешься... и приходишь къ тому, какъ сказано въ евангеліи отъ Мат. гл. 12, ст. 39: «Но онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія, и знаменія не дастся ему, кромѣ Іоны пророка». Такъ и сейчашнему народу, желающему хорошей жизни и жаждущему мира... не дастся ему хорошей жизни и мира до тѣхъ поръ, покуда онъ жизнь свою не переменитъ. И не такую переменную жизнь, какъ многіе мечтаютъ: что во внѣшней реформаціи ихъ хорошая жизнь, а переменная жизнь такая, что каждый человѣкъ переменитъ жизнь плотскую на духовную, что значитъ: служеніе другимъ, а не себѣ. И знатъ — въ чемъ служеніе, чтобы, служа одному, не дѣлать вреда другому.

Изъ письма крестьянина Тамбовской губ.

У насъ на фронтѣ бываютъ часто собранія, митинги, всевозможные споры и т. п. Прислушиваясь ко всему этому, я пришелъ къ заключенію, что все это — борьба партій, гдѣ у всѣхъ разгораются страсти, и ужъ совсѣмъ пропадаютъ и поглощаются интересы человѣка. Всѣ организуются, борются и готовы для выгоды своей партіи захватить все и обо-брать всѣхъ. Я бѣдный крестьянинъ живу, т. е. жилъ во время войны верстъ 60 отъ Москвы. Я интересовался вегетарианствомъ и хотѣлъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ вашего общества. Особенно теперь хотѣлось бы услышать что-нибудь успокаивающее, въ истинно-христіанскомъ духѣ. Къ сожалѣнію я нахожусь на фронтѣ и не могу посѣщать ваши собранія. Въ виду этого, ради всего лучшаго, прошу васъ, кого-нибудь изъ членовъ откликнуться на мою просьбу. Пришлите пожалуйста книжекъ по вегетарианству и по христіанскому ученію Л. Н. Толстого и вообще что найдете возможнымъ.

Изъ письма солдата.

Конецъ іюня 1917 г.

Говорятъ, что нужно отдѣлать церковь отъ государства, такъ какъ отъ этого союза страдаютъ и церковь и государство. Но забываютъ, что люди страдаютъ отъ того и другого, независимо отъ того — въ союзѣ ли эти два отживающія свой вѣкъ учрежденія или въ разладѣ.

Когда въ странѣ свирѣпствуютъ чума и холера, никто не станетъ предлагать отдѣлать эти болѣзни одну отъ другой, а всякій будетъ стремиться уничтожить ту, и другую. Такъ же намъ нужно стремиться не къ отдѣленію церкви отъ государства, а къ тому, чтобы устроить нашу жизнь безъ того и другого.

С. Вильинскій.

7 іюля 1917 г.

1) Подобныя же сообщенія о громадномъ спросѣ среди народа на книжки, въ особенности на всѣ писанія Толстого, поступаютъ къ намъ со всѣхъ сторонъ.

Я думаю, что хорошо было бы, если бы между людьми установились такіе отношенія: люди, поддерживающіе государственное насиліе, пользовались бы всѣмъ, что имъ принадлежитъ по законамъ; люди, не поддерживающіе государственнаго насилія, не участвующіе въ войнѣ, отказались бы отъ земли и отъ всякой собственности, а такъ же отъ государственныхъ должностей.

Такъ какъ при теперешнемъ общественномъ устройствѣ все принадлежитъ только тому, кто защищаетъ свое, то поведеніе людей, признающихъ государственное насиліе, было бы такимъ образомъ ограничено этимъ самымъ государственнымъ строемъ; люди же, не поддерживающіе государственнаго устройства, если ихъ стали бы обижать или отнимать у нихъ послѣднее, не стали бы обращаться въ судъ, ни вообще пользоваться защитой государства. Всѣ это знали бы, и каждый добровольно принадлежалъ бы къ той или другой сторонѣ.

Изъ письма отказавшагося отъ военной службы по религиознымъ убѣжденіямъ.

Я недавно перечиталъ послѣднюю статью Л. Н. — ча: «Дѣйствительное средство», и она уяснила мнѣ вопросъ о войнѣ. Л. Н. приводитъ слова Канта, что бываютъ такіе заблужденія, которыя нельзя опровергнуть; надо сообщить заблуждающемуся уму такіе знанія, которыя его просвѣтятъ, и тогда заблужденіе исчезнетъ само собою. Таково, по мнѣнію Л. Н. — ча, заблужденіе о необходимости и полезности смертной казни; такъ же, мнѣ кажется, и заблужденіе о допустимости войны. Пока человѣкъ увѣренъ, что позволительно убійствомъ другихъ людей достигать блага всего народа или какихъ либо классовъ его, до тѣхъ поръ всегда можно найти доводы къ началу или продолженію войны. Такъ обстоитъ дѣло и теперь. Всякій доводъ сторонниковъ прекращенія войны встрѣчаетъ равное ему по убѣдительности опроверженіе со стороны противниковъ этого взгляда, и споръ этотъ, думаю, никогда ни къ чему не приведетъ, пока будутъ спорить о томъ, что выгоднѣе. Но если бы люди поняли, что всякое убійство есть грѣхъ, нарушеніе нравственнаго закона, и что никакое нарушеніе нравственнаго закона никогда не приведетъ людей къ ихъ истинному благу, то сразу отпали бы всѣ доводы за или противъ войны; люди не стали бы даже обсуждать ихъ, потому что руководствовались бы въ своихъ поступкахъ не вопросами о ближайшихъ скоропредстоящихъ выгодахъ своихъ или своего класса или своего народа, а тѣмъ признаніемъ выше всего на свѣтѣ нравственнаго закона, при которомъ человѣкъ уже не думаетъ ни о своихъ ни о чьихъ бы то ни было выгодахъ.

Н. Г.

Хроника.

Основаніе «Общества Истинной Свободы въ память Л. Н. Толстого».

27 Іюня въ залѣ Московскаго Вегетарианскаго Общества состоялось учредительное собраніе «Общества истинной свободы въ память Л. Н. Толстого».

Собраніе, на которомъ присутствовало болѣе 200 человѣкъ, открылось рѣчью В. О. Булгакова, который указалъ на необходимость, въ цѣляхъ болѣе тѣснаго общенія сочувствующихъ міровоззрѣнію Л. Н. Толстого, приступить къ созданію нѣкоторой организаціи, хотя эта будущая организація отнюдь не должна перейти во что-нибудь подобное маленькой церкви, сектѣ или партіи. Въ такую узкую организацію никто изъ единомышленниковъ Л. Н. Толстого, разумѣется, не вошелъ бы, охраняя въ полномъ объемѣ свою внутреннюю свободу. Уставъ новаго Общества, напротивъ, подчеркиваетъ необходимость сохраненія за всѣми, вступающими въ Общество, этой свободы во всѣхъ вопросахъ вѣры и духовной жизни. Вообще, желательно на бумагѣ закрѣпить не тѣ идеи, которыя воодушевляють учредителей Общества, а лишь тѣ практическія цѣли, которыя Общество будетъ преслѣдовать. Въ первую очередь такими цѣлями намѣчаются: учрежденіе справочнаго бюро для сношеній съ лицами, интересующимися міровоззрѣніемъ Л. Н. Толстого, устройство библиотечки-читальни изъ литературы соотвѣствующаго характера и т. д.

Въ происшедшемъ послѣ рѣчи В. О. Булгакова обмѣнѣ мнѣній приняли участіе В. Г. Чертковъ, Б. С. Боднарскій, Л. Лушиковъ, К. Н. Березниковъ и В. Н. Карповъ (члены Съѣзда дѣятелей по народному образованію), И. М. Трегубовъ и др. лица. Большинство говорившихъ горячо привѣтствовало образованіе новаго Общества.

Постановлено считать Общество открытымъ. Избранъ Совѣтъ въ составѣ слѣдующихъ лицъ: В. О. Булгакова, И. И. Горбунова-Посадова, О. Х. Граубергера, О. А. Дашкевичъ, И. Н. Колоскова, С. Д. Николаева, О. А. Страхова, И. М. Трегубова, І. М. Хороша, В. В. Черткова, В. Г. Черткова и В. А. Шеермана.

Согласно уставу, «наличность такъ называемаго предсѣдателя Общества признается излишней».

Нѣкоторые члены собранія высказываютъ пожеланіе, чтобы члены Общества, внося членскіе взносы, не требовали отъ членовъ Совѣта приѣмныхъ квитанцій и, вообще, стремились бы къ замѣнѣ во всѣхъ дѣлахъ Общества духа формализма духомъ взаимнаго доврѣя.

По предложенію предсѣдателя собранія, присутствующіе единодушными апплодисментами выражаютъ благодарность Совѣту Московскаго Вегетарианскаго Общества за предоставленіе Обществу Истинной Свободы въ память Л. Н. Толстого зала для собраній и, вообще, за проявленное Совѣтомъ сочувствіе къ нарождающемуся Обществу.

Христіанская резолюція солдатъ противъ войны.

15 іюня въ г. Можайскѣ собралась команда Отдѣла огнестрѣльныхъ припасовъ тылового артиллерійскаго подвижнаго склада, которая вынесла резолюцію противъ войны. Приводимъ изъ резолюціи слѣдующія строки: «Въ нашихъ желаніяхъ не итти убивать людей, своихъ братьевъ, есть самый лучший другъ нашъ — наша совѣсть, которая никогда не допускала до опасности, т. е. до совершенія безнравственнаго поступка... Вѣдь мы всѣ душою христіане, какого бы государства ни были. Мы всѣ отъ одного Отца-Бога пришли сюда на землю, поэтому мы всѣ братья промѣжъ»

себя. Въ насъ во всѣхъ вложена одна и та же жизнь и разумнѣе, что и не допускаетъ насъ убивать другого. Но если мы убиваемъ, т. е. воюемъ, то это не доказываетъ того, что мы не братья, а это доказываетъ одно наше заблужденіе... Намъ предлагаютъ, насъ просятъ, чтобы мы шли въ наступленіе на противника, т. е., другими словами, насъ заставляютъ убивать. Но если бы мы спросили, кого же это убивать, намъ отвѣтятъ: противника. Но мы спросимъ: а кто это такой противникъ? что онъ такое? Мы, навѣрное, получимъ отвѣтъ: человекъ... Товарищи, нашъ выходъ тотъ изъ труднаго положенія, чтобы мы пошли собственными ногами, а не наемными, съ большимъ убѣжденіемъ и съ глубокой вѣрой, къ своимъ братьямъ и товарищамъ прочихъ странъ, съ призывомъ къ окончанію войны, вѣчному разумному миру».

Подлинникъ резолюціи скрѣпленъ подписями председателя и секретаря полкового комитета, а также печатью комитета Отдѣла огнестр. припасовъ тяжелой артиллеріи.

Лекціи Н. Н. Апостола

Членомъ Толстовскаго Общества въ Москвѣ Н. Н. Апостоломъ прочитаны въ городахъ Умани, Прилукахъ, Нѣжинѣ, Лубнахъ, Полтавѣ и др. лекціи о міровоззрѣніи Л. Н. Толстого и объ отношеніи христіанскаго міровоззрѣнія къ войнѣ. Какъ сообщилъ въ частномъ письмѣ лекторъ, онъ задавался цѣлью: «помочь Россіи первой изъ убійцы и разбойника, ослѣпленнаго нынѣшними «священными» политическими лозунгами, превратиться въ честнаго человѣка». Часть сбора съ лекцій будетъ употреблена на помощь нуждающимся духовоборамъ, предполагающимъ вернуться въ Россію. Самъ лекторъ на дняхъ послалъ подробныя мотивированныя заявленія Керенскому, командующему Киевскимъ военнымъ округомъ и воинскому начальнику о своемъ отказѣ, на основаніи религиозныхъ убѣжденій, отбывать военную службу. Н. Н. Апостоломъ недавно окончилъ Киевскій университетъ по историко-филологическому факультету. Университетъ постановилъ издать за свой счетъ обширный трудъ Н. Н. Апостола—ислѣдованіе о романѣ Толстого «Война и миръ».

На Съѣздѣ революціонеровъ.

На III-мъ Всероссийскомъ Съѣздѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ, состоявшемся недавно въ Москвѣ, делегатами Съѣзда Влад. Куликовымъ, Бор. Подвижникомъ и М. Башкиревымъ было отпечатано и роздано всѣмъ присутствовавшимъ обращеніе, въ которомъ указывалось на необходимость обсудить вопросъ «о тѣхъ религиозно-нравственныхъ формахъ, какія соотвѣтствуютъ сущности нашего міросозерцанія и совпадаютъ съ нимъ въ своемъ социальномъ значеніи». Далѣе въ обращеніи говорилось: «Думаемъ-ли мы, что дальшее социализма ужъ нѣтъ путей для воплощенія правды-справедливости и социальное творчество, какъ таковое, какъ общее дѣло, на этомъ кончается,—умираетъ? Конечно, нѣтъ... Оставаясь лишь съ минимумомъ, мы неизбежно обмелѣемъ, мы погрузимся въ рутину нѣкоторой удовлетворенности». Вопросъ, поднятый тремя делегатами, не получилъ дальнѣйшаго движенія на Съѣздѣ, но самый фактъ возбужденія представителями революціонной политической партіи вопроса о необходимости оцѣнки человѣческихъ идеаловъ подлѣ угломъ религиозной точки зрѣнія достоинъ вниманія.

На ст. Астапово.

На ст. Астапово, Ряз.-Урал. ж. д., гдѣ скончался Л. Н. Толстой, на общемъ собраніи служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ, состоявшемся въ юнѣ мѣсяцѣ, рѣшено было образовать «Астаповскій комитетъ по увековѣченію памяти Л. Н. Толстого». Предсѣдателемъ комитета избранъ инж. Д. М. Балинскій. На дняхъ инж. Балинскій пріѣзжалъ въ Москву и посѣтилъ справочное бюро «Объ истинной свободѣ въ память Л. Н. Толстого», обратившись къ дежурному члену Совѣта съ просьбой узнать мнѣніе Совѣта о томъ типѣ средней школы, который желательно было бы осуществить въ Астаповѣ. Дежурнымъ членомъ высказано было мнѣніе, что къ завѣтамъ Л. Н. ближе всего подошло бы основаніе земледѣльческой школы.

Между прочимъ, инж. Балинскій разсказалъ, что ежедневно пассажиры всѣхъ поѣздовъ, а также проѣзжающія воинскія команды, стремятся посѣтить комнату, въ которой скончался Л. Н. Толстой. Комната открыта до 12 час. ночи. Всѣ мѣстныя демонстраціи считаютъ своимъ долгомъ продефилировать мимо домика, гдѣ скончался Толстой. Самая площадка передъ домикомъ облюбована, какъ мѣсто для митинговъ.

Солдаты на могилѣ Л. Н. Толстого.

По свѣдѣніямъ отъ лицъ, прибывающихъ изъ Ясной Поляны, паломничество на могилу Л. Н. Толстого, несмотря на военное время, не только не прекращается, но даже усиливается. Газета «Солдаты-Гражданинъ» разсказываетъ, какъ въ учебной командѣ №... пѣхотнаго запаснаго полка, стоящаго въ Тулѣ, возникла мысль совершить военную прогулку въ Ясную Поляну. Переходъ былъ совершенъ, какъ пишетъ газета, походнымъ движеніемъ, съ установленными правилами. Въ Ясной Полянѣ, отдохнувши предварительно на деревнѣ, команда, подъ звуки похороннаго марша, совершила паломничество на могилу Льва Николаевича, а затѣмъ группами осмотрѣла и домъ. Въ объясненіяхъ при осмотрѣ дома принимала участіе дочь Л. Н. Толстого Т. Л. Сухотина.

«Лига Единого Налога».

Въ мартѣ въ Москвѣ образовалась «Лига Единого Налога», проводящая принципы Генри Джорджа. Основы «Лиги» слѣдующія:

1. Земля есть общее достояніе всего народа, «Земля—Божья», т. е. каждый можетъ пользоваться ею на равныхъ правахъ съ другими.
2. Произведенія труда составляютъ неотъемлемую собственность того, кто ихъ произвелъ или получилъ путемъ добровольной передачи.
3. Согласно системѣ Единого Налога вся земля, признаваемая общимъ достояніемъ, облагается въ пользу всего населенія уравнивательнымъ налогомъ по ея цѣнности, всѣ же другіе налоги, пріямые и косвенные, уничтожаются, ибо они въ концѣ концовъ падаютъ на трудящихся и нарушаютъ право человѣка свободно располагать своимъ трудомъ.

«Лига» устраиваетъ бесѣды и лекціи по земельному вопросу, представители ея принимали участіе въ Всероссийск. Съѣздѣ Крестьянскихъ Депутатовъ и Съѣздахъ Всероссийск. «Лиги Аграрныхъ Реформъ», коей является членомъ. Кромѣ того, «Лига» предпринимаетъ рядъ брошюръ, листовъ и пр. Состоитъ «Лига» изъ Центрального Бюро, находящагося въ Москвѣ и мѣстныхъ отдѣловъ.

Адресъ Центрального Бюро: Москва, Банковскій пер. д. 2, кп. 38, «Лига Единого Налога».

Открытое письмо

(помѣщенное въ газетахъ въ началѣ іюля с. г.).

Въ виду полученныхъ мною многочисленныхъ запросовъ съ выраженіемъ недоумѣнія по поводу появившихся въ газетахъ сообщеній о томъ, будто я представилъ Временному Правительству проектъ суда надъ отказывающимися отъ военной службы по мотивамъ совѣсти, считаю необходимымъ заявить, что я, при своихъ убѣжденіяхъ, не могъ ни предлагать, ни принимать какого-либо участія въ организации суда надъ кѣмъ бы то ни было.

Но такъ какъ условія теперь благоприятствуютъ тому, чтобы содѣйствовать болѣе справедливому и гуманному отношенію къ подобнымъ отказамъ, то я не счелъ возможнымъ воздержаться отъ посильнаго участія въ облегченіи участи этихъ близкихъ мнѣ по духу людей.

Въ настоящую минуту было бы еще преждевременно сообщать, въ чемъ именно заключается составленный К. С. Шохорь-Троцкимъ и мною проектъ, а потому я вынужденъ ограничиться лишь этимъ заявленіемъ.

В. Чертковъ.

О непротивленцахъ въ войскахъ.

Въ связи съ объявленіемъ общей политической амнистіи и отмѣной вѣроисповѣдныхъ ограниченій возникъ вопросъ, какъ надлежитъ поступить съ тѣми солдатами, кои, находясь нынѣ въ частяхъ войскъ, отказываются отъ несенія военной службы по религиознымъ убѣжденіямъ.

Вопросъ объ отношеніи вообще такихъ лицъ къ военной службѣ принадлежитъ въ ближайшемъ времени внесенію на разрѣшеніе Временнаго Правительства. Впредь же до разрѣшенія Временнымъ Правительствомъ этого общаго вопроса военный министръ приказалъ не увольнять изъ войскъ солдатъ, отказывающихся по своимъ религиознымъ убѣжденіямъ отъ несенія военной службы, но съ тѣмъ, чтобы они были использованы, по усмотрѣнію подлежащаго военнаго начальства, въ обстановкѣ, исключающей ношеніе и употребленіе въ дѣло оружія.

(«Русская Воля» 18 Іюля 1917 г.).

Библиографическая замѣтка.

«Творенія Толстого». 1) «Николай Паликинъ». 2) «Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину?». Изданіе Толстовскаго Музея въ Петроградѣ, подъ редакціей В. И. Срезневскаго. Петроградъ, 1917 г. ц. 50 к.

Съ глубокой признательностью къ редакціонной работѣ В. И. Срезневскаго и его сотрудниковъ, мы отъ души привѣтствуемъ это безупречное съ редакціонной стороны и весьма изящное по внѣшности изданіе.

Въ настоящемъ № 2 «Единенія» мы печатаемъ вторую статью изъ этой брошюры «Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину?». За полученіемъ же самой брошюры слѣдуетъ обращаться прямо въ «Толстовскій Музей» въ Петроградѣ, по адресу Вас. Остр. Бол. просп. 6.

Увѣдомленіе.

Въ виду того, что теперь многіе издатели печатаютъ произведенія Л. Н. Толстого, бывшія подлѣ цензурнымъ запретомъ, считаю необходимымъ привести здѣсь письмо Л. Н. Толстого въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 1906 г.:

«Прошу васъ дать мѣсто въ вашей газетѣ слѣдующему моему заявленію. Въ послѣднее время стали появляться объявленія въ печати о предстоящемъ выпускѣ въ Россіи тѣхъ моихъ писаній, которыя до сихъ поръ печатались только за границей. Такъ какъ многіе изъ этихъ писаній изданы неточно: съ пропусками, ошибками, измѣненіями, есть даже такія, которыя написаны не мною, но приписываются мнѣ, то я просилъ бы всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ издавать ненапечатанныя въ Россіи мои произведенія, обращаться за оригиналами таковыхъ въ Англію, Christchurch, Hants, къ другу моему, Владиміру Григорьевичу Черткову, у котораго находится самое полное собраніе всѣхъ моихъ писаній послѣднихъ 25-ти лѣтъ въ самомъ точномъ изложеніи. Ему одному я посылаю и посылаю теперь для печатанія за границей по русски и въ переводахъ всѣ мои новыя писанія. Занимаясь этимъ дѣломъ уже много лѣтъ единственно въ интересахъ самого дѣла, онъ писалъ мнѣ, что охотно будетъ сообщать всѣмъ тѣмъ, кому это нужно, необходимыя указанія и справки для наиболѣе точнаго изданія моихъ произведеній».

Левъ Толстой.

Въ настоящее время адресъ мой слѣдующій: Книжный магазинъ «Посредникъ», для Владиміра Григорьевича Черткова. Петровскія линіи, № 1, Москва, куда и прошу обращаться по этому вопросу.

В. Чертковъ.

1917 годъ.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННАГО
МУЗЕЯ
1917 г. № 132

Цѣна 35 к. На жел. дор.—40 к.

Голосъ Толстого

и

№ 3.

„ЕДИНЕНИЕ“

— годъ
ИЗДАНИЯ I.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ Редакціи и Конторы: Книжный магазинъ „Посредникъ“ для „Единенія“, Москва, Петровскія линіи, № 1.

СОДЕРЖАНІЕ. Голосъ Толстого: Къ народу.—Наше жизнепониманіе.—Безъ вѣры жить нельзя. Единеніе: Памяти 89-й годовщины дня рожденія Л. Н. Толстого. Захаръ Кузнецовъ.—Толстой. Арвидъ Эрнефельтъ.—Къ современникамъ Толстого.—О смертной казни. В. Чертковъ.—Къ интеллигентамъ міра (съ итальянск.).—Анархія. В. Медвѣдковъ.—Сказка про дурня. В. Медвѣдковъ.—О самоуправленіи. К. Даніель.—Участникамъ Государственнаго Совѣщанія. С. Бѣленькій.—Движеніе въ пользу мира.—Обзоръ печати.—Обмѣнъ мыслей.—Хроника.

Голосъ Толстого.

Къ народу¹⁾.

(Подъ народомъ я разумѣю весь русскій народъ, но преимущественно рабочій земледѣльческій народъ, тотъ, на трудахъ котораго держится жизнь всѣхъ остальныхъ).

Вы, русскій рабочій народъ, преимущественно земледѣльческій, крестьяне, находитесь теперь въ Россіи въ особенно трудномъ положеніи. Какъ ни трудно было вамъ жить на малой землѣ при большихъ податяхъ и при пошлинахъ и при войнахъ, которыя затѣвало правительство, вы жили до самаго послѣдняго времени, вѣря въ царя, въ то, что безъ царя и его власти нельзя жить, и покорно повиновались правительству.

Какъ ни дурно правило вами царское правительство, вы покорно повиновались ему до тѣхъ поръ, пока оно было одно. Но вотъ, теперь, когда сдѣлалось то, что одна часть народа взбунтовалась и перестала повиноваться царскому правительству, стала воевать съ нимъ, когда во многихъ мѣстахъ вмѣсто одного правительства стало два и каждое требуетъ себѣ повиновенія, то вамъ нельзя уже, какъ прежде, не разбирая, хорошо ли, дурно ли управлять вами правительство, покорно повиноваться тому, какое есть, а приходится выбирать: какому изъ двухъ повиноваться? Что же вамъ дѣлать? Не тѣмъ десяткамъ тысячъ рабочихъ, которые суетятся и мечутся по городамъ, а вамъ, большому, настоящему, стомилліонному земледѣльческому народу?

Старое царское правительство говоритъ вамъ: «не слушайте бунтовщиковъ: они обѣщаютъ много, но обманутъ васъ. Оставайтесь вѣрными мнѣ, и я удовлетворю всѣ ваши нужды».

Бунтовщики говорятъ: «не вѣрьте царскому правительству: какъ оно всегда мучило васъ, такъ и будетъ продолжать мучить. Присоединитесь къ намъ, помогите намъ, и мы устроимъ вамъ такое же, какъ въ самыхъ свободныхъ государствахъ, правительство. Тогда вы сами будете выбирать своихъ правителей, сами управлять собою и сами исправите всѣ свои нужды».

Что же вамъ дѣлать?

¹⁾ Настоящее обращеніе составляетъ III-тью главу статьи Л. Н. Толстого «Обращеніе къ русскимъ людямъ», напечатанной нами въ 1906 г., но тогда же конфискованной и уничтоженной. Такъ что можно считать, что статья эта появляется въ печати впервые. Ред.

Поддерживать старое правительство? Но вѣдь старое правительство давно уже обѣщаетъ заняться вашими нуждами, но не только не облегчаетъ ихъ, но только усиливаетъ ваши главные нужды: нужду земельную, податную, солдатскую.

Пристать къ бунтовщикамъ? Бунтовщики обѣщаютъ то, что устроятъ вамъ такое же выборное правительство, какъ въ самыхъ свободныхъ государствахъ. Но вѣдь вездѣ, гдѣ устроены такіе выборныя правительства, въ самыхъ свободныхъ государствахъ, какъ въ французской и американской республикахъ, точно такъ же, какъ и у насъ, не облегчены главные нужды народныхъ: вездѣ, какъ и у насъ, и еще больше, чѣмъ у насъ, земля въ рукахъ богачей; и точно такъ же, какъ у насъ не спрашивая народъ, обкладываютъ его податями и пошлинами; и такъ же, какъ у насъ, не спрашивая его, содержатъ войска и объявляютъ войны и воюютъ, когда это нужно тѣмъ, кто властвуетъ. И, кромѣ того, новое правительство не установилось, и еще неизвѣстно, каково оно будетъ.

Но мало того, что вамъ нѣтъ выгоды пристать къ тому или другому правительству: вамъ и нельзя по совѣсти, передъ Богомъ этого сдѣлать. Защищать старое правительство значитъ дѣлать то, что дѣлалось въ послѣднее время въ Одессѣ, Севастополѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Кавказѣ, Москвѣ: ловить, убивать, вѣшать, жечь живыми, казнить, стрѣлять по улицамъ, убивать дѣтей, женщинъ. Пристать же къ революціонерамъ значитъ дѣлать то же самое: убивать людей, взрывать, жечь, грабить, воевать съ солдатами, казнить, вѣшать.

И потому вамъ, рабочему христіанскому народу, теперь, когда царское правительство зоветъ васъ воевать противъ братьевъ и къ тому же зовутъ васъ революціонеры, вамъ уже не для своей выгоды, а передъ Богомъ и своей совѣстью явно нужно и должно только одно: не приставать ни къ старому, ни къ новому правительству и не участвовать въ нехристіанскихъ дѣлахъ ни того, ни другого.

А не участвовать въ дѣлахъ стараго правительства значитъ: не служить въ солдатахъ, въ полиціи, въ стражникахъ, городовыхъ, десятекихъ; не служить ни въ какихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, властяхъ, земствахъ, собраніяхъ, думахъ. Не участвовать же въ дѣлахъ революціонеровъ значитъ: не составлять собраній, союзовъ, стачекъ, не жечь и не разорять чужіе дома, не присоединяться къ вооруженнымъ возстаніямъ.

Надъ вами стало теперь два враждебныхъ другъ другу правительства, и оба призываютъ васъ къ злымъ, нехристіанскимъ дѣламъ. Что же вамъ дѣлать иного, какъ не отказаться отъ всякаго правительства?

Говорятъ, что трудно и даже невозможно жить безъ